Б
Г 84

Грибоедов.

Путевые

записки.

~~191461~~
~~9716~~

Б-ка К. П. И.
переинвентариз. 1938 г.

Б 82

А. С. ГРИБОЕДОВ

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ

КАВКАЗ — ПЕРСИЯ

Предисловие и примечания к тексту
И. К. ЕНИКОЛОПОВА

Общая редакция проф. Н. К. ПИКСАНОВА

Комм. Педагогический Ин-т
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 9716
имени Н. К. Крупской

АКАД. КОМ. ВОСПИТАНИЯ
им. Н. К. Крупской

194467

Пед. ин-т им. А. И. Герцена
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

254481.

1р25к

ЗАККНИГА

ский сборник разных бумаг Грибоедова... Нужно было специально знакомиться с каждой страницей „черновой“. Ко всему этому присоединилась трудность лексическая — трудность разбора рукописей. Очень часто попадались страницы, писанные чернилами до того бледными или может-быть выцветшими от времени, что разбор становился невероятно труден“...

Благодаря такому состоянию „черновой тетради“, а также скудным тогда (в 50-х годах прошлого века) познаниям о Грибоедове, Смирнову многие места не удалось воспроизвести в необходимой точности и полноте. (Впоследствии подлинник этой „черновой“ погиб во время пожара в имении Смирнова).

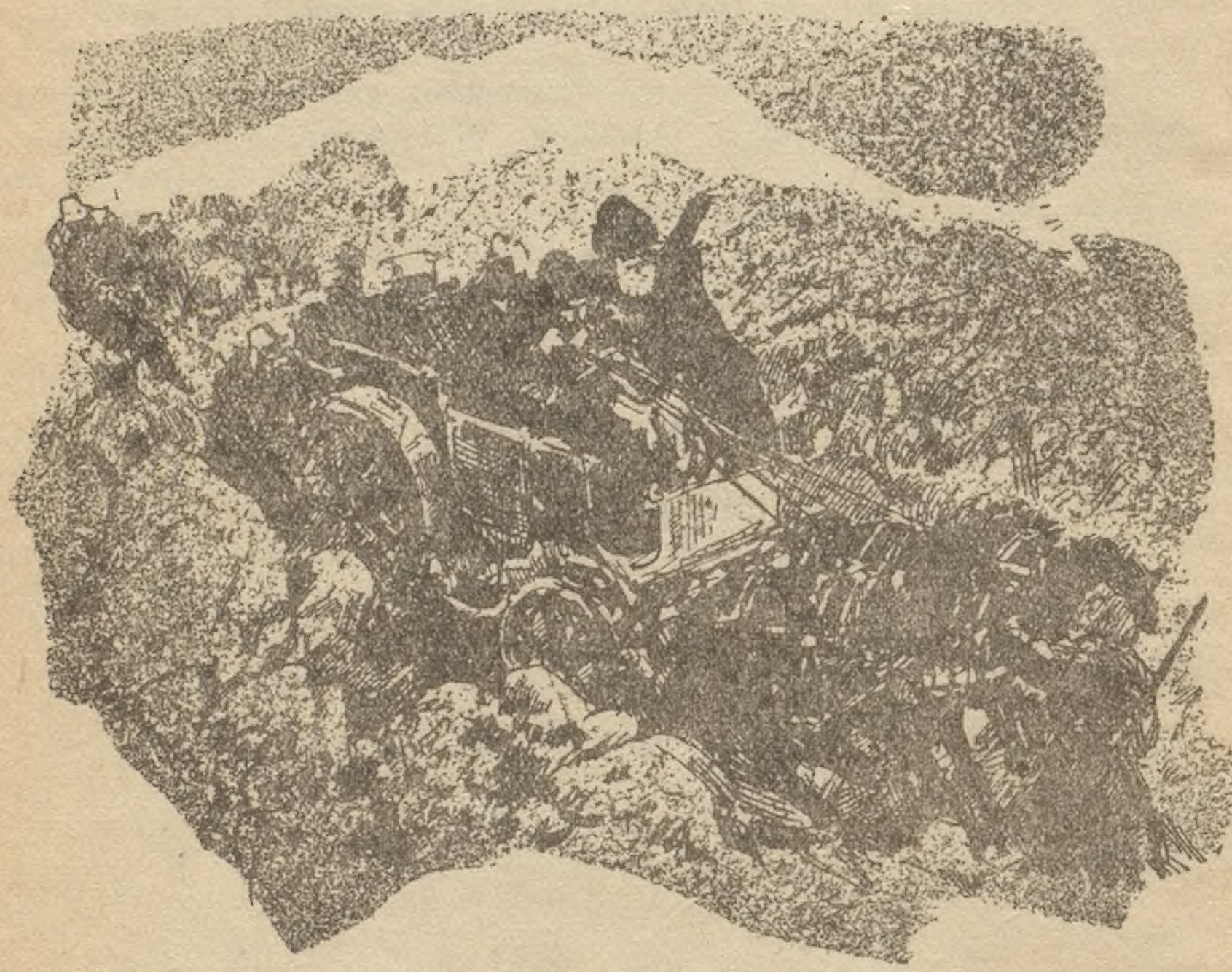
Приводимые „Путевые записки“ печатаются по тексту, опубликованному проф. Н. К. Пиксановым в полном собрании сочинений А. С. Грибоедова, изданном Академией Наук СССР, т. III. 1917 г.

Проф. Пиксанову удалось, пользуясь новыми исследованнями и материалами, устранить многие ошибки Д. А. Смирнова, исправить датировку разных частей текста „Записок“, перераспределить их составные части и раз'яснить темные места в „черновой“.

Давая к тексту различные примечания, мы стремились облегчить чтение этих интересных „Записок“ и внести ясность в те выражения, которые казались малопонятными.

И. ЕНИКОЛОПОВ.

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ



I. ОТ МОЗДОКА ДО ТИФЛИСА.

Октябрь 1818 г.

1-й переход.

Светлый день. Верхи снежных гор иногда просвечивают из-за туч; цвет их светлооблачный, перемешанный с лазурью. Быстрина Терека,[1] переправа, караван ждет долго. Кусты. Убитый в виду главнокомандующего. Караван, описание, странствующие 600 (человек): ружейные Армяне,[2] пушки, пехота, конные рекогносцируют. Приближаемся к ландшафту: верхи в снегу, но еще не снежные горы, которые скрыты; слои, кустарники, вышины. Погода меняется, ветер, небо обложилось; вступаем в царство непогод. Взгляд назад — темно, смятение, обозы, барабанный бой для сбора, огни в редуте. Приезд в редут Кабардинский.[3]

2-й переход.

Свежее утро. Выступаем из редута. Он на нижнем склоне горы. Против ворот бивуаки, дым, греются. Поднимаемся в гору более и более, путь скользкий, грязный, излучистый, с крутизны на крутизну, час-от-часу теснее от густеющих кустов, которые наконец преобращаются в дубраву. Смешение времен года; тепло и я открываюсь; затем стужа, на верхних, замерзших листьях иней, смешение зелени. Пускаю лошадь на удачу в сторону; приятное одиночество; лошадь ушла, возвращается к верховым. Едем гусем, все круче, зов товарища, скачу, прискакиваю, картина. Гальт.[4] На ближнем холме расположим приют.

От'езд далее. Мы вперед едем. Орлы и ястреба, потомки Прометеевых терзателей. Приезжаем к Кумбалеевке;[5] редут. Вечером иллюминация.

3-й переход.

Пускаемся вперед с десятью казаками. Пасмурно, разные виды на горах. Снег, как полотно, навешан в складки, золотистые холмы по временам. Шум от Терека, от низвержений в горах. Едем по берегу, он течет между диких и зеленых круглых камушков; тьма обломков, которые за собой влечет из гор. Дубняк. Судбище птиц: как отца и мать не почтет — сослать. Владикавказ[6] на плоском месте; красота долины. Контраст зеленых огород с седыми верхами гор. Ворота, надпись; оно тут неглупо. Фазаны, вепри, серны (различные названия), да негде их поесть в Владикавказе.

4-й переход.

Аул на главе горы на-лево. Подробная история убитых на сенокосе. Редут направо.[7] Замок осетинский. Кривизна дороги между утесов, которые более и более высятся и сближаются. Облака между гор. Замок и конические башни налево.[8] Под'ем на гору, направо оброшенный замок. Шум Терека. Нападение на Огарева.[9] Извилистая дорога; не видать ни всхода, ни исхода. Пролом от пороха. Дариель.[10] Копны, стога, лошаки на вершине. Товарищи порываются вперед, я за ними не следую.

Ночь в Дариеле. Ужас от необычайно высоких утесов, шум от Терека, ночлег в казармах.

5-й переход.

Руины на скале. Выезд из Дариеля. Непроходимость от множества каменьев; иные из них огромны, один разделен на двое, служит вратами; такой же перед в'ездом в Дариель. Тьма арбов и артиллерийский снаряд заграждают путь на завале. Остаток завала теперь необ'ятен, — каков-же был прежде! Терек сквозь его промыл себе проток, будто исскуственный. Большой об'езд по причине завала:[11] несколько переправ через Терек, множество селений, pittoresque. Селение Казбек,[12] вид огромного замка, тюрьма внутри, церковь из гранита, покрыта

плитою, монастырь посреди горы Казбека.[13] Сама гора в 25-ти верстах.

Сион.[14] Множество других, будто висящих на скалах, башен и селений, иные руины, иные новопостроенные, точно руины. Поднимаемся выше и выше. Постепенность видов до снегов, холод, зима, снеговые горы внизу и сверху, между ними Коби[15] в диком краю, подобном Дариелю. Множество народу встречается на дороге.

6-й переход.

Ужасное положение Коби, — ветер, снег кругом, вышина и пропасть. Идем все по косогору; узкая, скользкая дорога, с боку Терек; поминутно все падают, и все камни и снега, солнца не видать. Все вверх, часто проходим через быструю воду, верхом почти не можно, более пешком. Усталость, никакого селения, кроме трех, четырех осетинских лачужек, еще выше и выше, наконец добираемся до Крестовой горы.[16] Немного не доходя дотудова истоки гор уже к югу. Вид с Крестовой, крутой спуск, слишком две версты. Встречаем персидский караван с лошадьми. От усталости падаю несколько раз.

Под'ем на Гуд-гору[17] по косогору преузкому; пропасть неизмеримая с боку. По ту сторону ее горы превысокие, внизу речка, едва можно различать на крутой уединенной горке осетинские жилья. Дорога вьется через Гуд-гору кругом; несколько верховых встречаются. Не знаю, как не падают в пропасть кибитка и наши дрожки. Еще спуск большой[18] и несколько других спусков. Башни оброшенные, на самом верху столб и руины Наконец приходим в Кашаур,[19] навьючиваем, берем других лошадей, отправляемся далее, снег мало-по-малу пропадает, все начинает зеленеться, спускаемся с Кашаура, неожиданная веселая картина: Арагва внизу вся в кустарниках, тьма пашней, стад, разнообразных домов, башен, хат, селений, стад овец и коз (по камням все ходят), руин замков, церквей и монастырей разнообразных, иные дики, как в американских плантациях, иные среди дерев, другие в лесу, которые как привешаны к горам, другие над Арагвой. Мостик. Арагва течет

быстро и шумно, как Терек. Дорога как в саду — грушевые деревья, мелоны, яблони.

И самая часть Кашаура, по которой спустились, зелена. Много ручьев и речек из гор стремятся в Арагву. Смеркалось; длинная тень монастыря на снежном верху. Чувствуем в темноте, что иногда по мостикам проезжаем. Утесы, воспоминание о прежних, — горы востока, а не страшны, как прежние. Впереди румяные облака. Посананур.[20]

Мы в дрожках; один из нас правит.

7-й переход.

Вдоль по берегу Арагвы, которая вся в зелени. Бук, яблонь, груши, сливы, тополи, клен; на скале руины, много замков.[21] Ананур, карантин. Удаляемся вправо от Ананура, Душет.[22] Замок[23] и замки. Наша квартира как... (недописано)

8-й переход.

От'езд вдоль Арагвы. Опять знакомые берега. Утренняя песнь Грузинцев.

Я лег между обгорелым пнем и лесистым буком, позади меня речка под горою, кругом кустарник, между ними большие деревья. Холмы из-за дерев, фазан в роще; лошади, козлики мимо меня проходят. Товарищ на солнышке. Наши лошади кормятся.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Быстрина Терека. Вдоль левого берега Терека от станицы Екатериноградской до самого устья шла так называемая „Кавказская линия“, состоявшая из ряда казачьих станиц и поселений, в совокупности образуя как бы сомкнутую линию укреплений. В эту „линию“ входил и Моздок, откуда начиналась дорога в Грузию, получившая название „Военно-Грузинской“.

2. Ружейные армяне. Среди переселенных с 1724 года из Персии в Притеречный район армян, которые должны были привить в этом крае промышленность и садоводство, формировались так называемые „армянские роты“ и „эскадроны“,

несшие наравне с казаками сторожевую или пограничную службу. В грибоедовское время „ружейные армяне“ вместе с другими конскими частями несли повинность по охране дороги.

3. Редут Кабардинский — первая станция от Моздока. Ввиду исключительно опасного состояния этого тракта, редут Кабардинский представлял целое укрепление с казармами и двумя постоялыми дворами „как для проезжих господ, так и для купцов с товарами“.

4. Гальт (по-французски la halte) — привал, остановка.

5. Кумбалеевка (правильнее Камбилеевка) — приток Терека; здесь также было возведено укрепление и построены казармы на две роты.

6. Владикавказ. В результате заключенного в Георгиевске договора с Грузией (в 1783 г.), явилась необходимость прочного обеспечения сообщения „Кавказской линии“ с Закавказьем. С этой целью были построены в 1784 году на правом берегу Терека несколько укреплений, из которых самое южное, замыкавшее вход в теснину Терека, получило название Владикавказа. Отсюда через хребет должна была начинаться дорога в Грузию. Последующие события заставили бросить это укрепление и гарнизон вывести на „линию“. После присоединения Грузии к России, вновь явилась надобность в устройстве сообщения с Тифлисом, вследствие чего на Владикавказ было обращено особое внимание, и в 1863 году он уже был связан как с Моздоком, так и с Тифлисом.

7. Редут направо — в Балте; был построен в 1803 году.

8. Замок и конические башни налево — у дер. Ларе, принадлежавшей раньше владетелям ущелья из фамилии Дударовых.

9. Нападение на Огарева. Николай Гаврилович Огарев, служащий Министерства Путей Сообщений; в его ведении состояла в то время Военно-Грузинская дорога.

10. Дариель — Дарьяльское ущелье; самая узкая теснина Терека, тянущаяся на расстоянии 15 верст. Поддержание в исправности пути по Дарьяльскому ущелью и охрана мостов лежала на обязанности осетинского Тагаурского общества старшин, с общего „согласия всех владеющих проходом через Кавказские горы в Грузию по р. Терек от с. Балты до Дарьяла“. Дарьял (Дари-алан), т. е. „Аланские ворота“, на протяжении всей истории Кавказа служил проходом с севера в южные богатые долины Закавказья. В описываемое время здесь

находилось укрепление с казармами, следы которого видны и сейчас.

11. Большой об'езд по причине обвала. „В октябре 1817 года, — как отмечает в своем дневнике Ермелов, — обрушился с гор Кавказских снеговой обвал, какого не помнят старики. Сначала высота его была в 50 саж. Почти на сутки остановлено было течение реки Терека" („Русский Вестник" за 1863 год, ноябрь, стр. 261).

12. Селение Казбек, получившее свое название по имени владельца, давшего свое имя и горе; у грузин называется „Стефан Цминда" — св. Стефан, а гора — „Мкинвари". На обязанности владельца сел. Казбек лежало: „поддержание в исправности дороги и мостов, выставлять рабочих и подводы и вообще оказывать содействие и помощь путешествующим" (Акты Кавказской Археографической комиссии).

13. Монастырь на склоне горы Казбек—Цминда Самеба (св. Троицы) лежал на левом берегу Терека, выше сел. Гергеты, что против селения Казбек. Сооружение этой церкви народное предание относит ко времени царицы Тамары; монастырь служил хранилищем сокровищ Мцхетского собора, когда ему угрожала опасность от нападения врагов. Сохранился и по настоящее время.

14. Сион — ближайшее к Казбеку селение; поныне сохранились следы пещерных жилищ.

15. Коби — военный пост и станция. Вблизи этой станции берет начало р. Терек.

16. Крестовая гора — наивысшая точка (2347 метр.) теперешнего тракта.

17. Под'ем на Гуд-гору. Спустившись с Крестовой горы, путешественник времен Грибоедова, (в отличие от теперешнего пути — на Мцеты) взбирался узкой долиной, известной под именем Чортовой, на Гуд-гору, составлявшую высшую точку перевала (около 2740 метр.) Взбираясь на Гуд-гору, дорога шла все „кругом" — по выражению Грибоедова, вокруг вершины, поднимаясь в заоблачную высь Кавказа.

18. Спуск большой. С вершины Гуд-горы, на протяжении 4-х верст, вплоть до Кайшаурского поста, дорога спускалась крутыми зигзагами. В воспоминании декабриста Розена, проезжавшего этой дорогой в 1838 году, сохранились отрывочные впечатления от путешествия по этому пути: „Стало смеркаться, когда путешественники приблизились к перевалу через Гуд-гору. Дорога шла почти по отвесному склону; с одной стороны — утес, с другой — на один шаг от колес ужасная пропасть, которая поглотила уже много поворок и поклажи; к

тому же дорога была испорчена от дождей и камней. Солдаты верезками и цепями, укрепленными к дрогам и к задней оси, придерживали экипаж, который, сверх того, затормозили. Коляска качалась. Штабс-капитан грозно окрикнул: „Не качай коляски.“ Один из солдат отвечал: темно ваше благородие.— „А что вам свечи надо что-ли?“ Коляска перестала качаться,— ее спускали почти на руках. До Кайшаури добрались благополучно“.

19. Кашаур — тогда там находился пост и почтовая станция. Из селения Кашаур дорога шла через Арагву к сел. Квишеты и переезд через горы этим оканчивался.

20. Пасанаур — станция и рядом сомнительное урочище у слияния Белой и Черной Арагвы. Отсюда по Гудамакарскому ущелью предполагалось (с 1836 г.) проложить дорогу к Казбеку, что значительно должно было сократить весь путь и избавить дорогу от снеговых обвалов, столь часто наблюдаемых между Коби и Гуд-горою. Попытка так и не осуществилась по причине трудности Буслачирского под'ема.

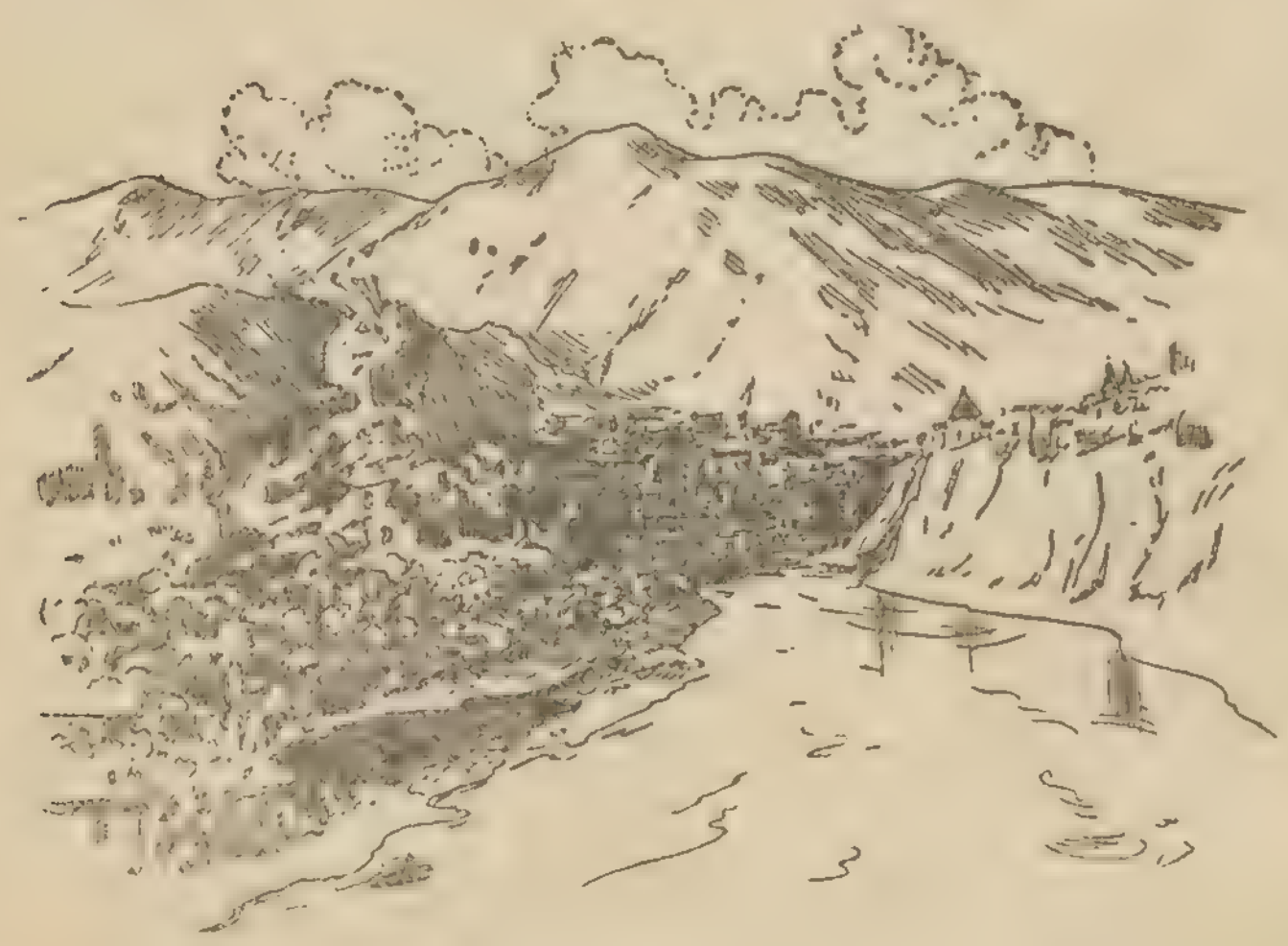
21. Руины, много замков. Ананур... Ананур— станция, б. резиденция арагвинских эристаов (правителей); в 1737 году он подвергся со стороны родственного ксанского эристава полному разорению, при чем было перебито все население Развалины крепости и храм видны и теперь.

22. Душет — б. резиденция арагвинских эриставов до 1688 года, когда город был окончательно разорен. С 1820 года уездный город.

23. Замок — называемый белый; сооружен в бывшей крепости в начале 1800-ых годах.

II. ОТ ТИФЛИСА ДО ТЕГЕРАНА.

29 января 1819 г.



Прелюбезный Степан Никитич!

Ты ко мне пишешь слишком мало, я к тебе вовсе не пишу, что того хуже. С нынешнего дня не то будет. Однако, не постигаю, как вы все меня хорошо знаете, еще бы ты один, что-бы очень естественно, а то все, все. Неужели я такой обыкновенный человек! И Катенин,[1] и даже князь,[2] который почти не живет в вещественном мире и все с своими идеальными Холминскими и Ольгиными,[4] — и угадали, что я вряд-ли в Тифлисе[5] найду время писать; и точно, временем моим завладели слишком важные вещи: дуель, карты и болезнь.

Теперь на втором переходе от Тифлиса я как-то опять сошелся с здравым смыслом и берусь за перо, чтобы передать тебе два дня моей верховой езды. Журнал из Моздока в Тифлис получишь после, потому-что он еще не существует, а воспоминаний много; жаль, что я ленился, рассеялся или просто никуда не годился в Тифлисе. Представь себе, что и Алексей Петрович,[6] прощавшись со мною, об'явил, что я повеса, однако прибавил, что со всем тем прекрасный человек. Увы, ни в том, ни в другом [не] сомневаюсь. Кажется, что он меня

полюбил, а впрочем в этих тризвездных особах не трудно ошибиться; в глазах у них всякому хорошо, кто им сказками прогоняет скуку; что-то вперед будет! Есть одно обстоятельство, которое покажет, дорожит-ли он людьми. Я перед тем, как садиться на лошадь, сказал ему: „Ne nous sacrifiez pas, Excellence. si jamais vous faites la guerre à la Perse“ [7]. Он рассмеялся, сказал, что это странная мысль. Ни чуть не странная! Ему дано право об'являть войну и мир заключать; вдруг придет в голову, что наши границы не довольно определены со стороны Персии, и пойдет их расширять по Аракс! — А с нами что тогда будет? Кстати об нем, — что это за славный человек! Мало того, что умен, нынче все умны, но совершенно по-русски, на все годен, не на одни великие дела, не на одни мелочи, заметь это. Притом тьма красноречия, и не нынешнее отрывчатое, несвязное, наполеоновское риторство, его слова хоть сейчас положить на бумагу. Любит много говорить; однако, позволяет говорить и другим; иногда (кто без греха?) много толкует о вещах, которые мало понимает, однако и тогда, если не убедится, все-таки заставляет себя слушать. Эти случаи мне очень памятны, потому-что я с ним часто спорил, разумеется о том, в чем я твердо был уверен, иначе-бы так не было; однако ни разу не переспорил; может-быть исправил. Я его видел каждый день, по нескольку часов проводил с ним вместе, и в удобное время, чтобы его несколько узнать. Он в Тифлис приехал отдохнуть после своей экспедиции против горцев, [8] которую в марте снова предпринимает, следовательно — менее был озабочен трудами.

Что ты читал или прочтешь до сих-пор, мною было писано давича, в два часа по-полудни, по червадар, как у нас называют, а по вашему подводчик, с обозом тогда пришел, стали развьючивать, шумят и не дали быть пристальным; теперь, в глубокую ночь, когда все улеглись, я хоть очень устал, а не спится. Стану опять с тобой беседовать.

Об Ермолове мы говорили. В нем нет этой глупости, которую нынче выдают за что-то умное, а именно, что по утр

или как говорится по... не приступен, а впрочем готов к услугам; он всегда одинаков, всегда приятен, и вот странность: тех даже, кого не уважает, умеет к себе привлечь... Я***, на которого он сердит за меня[9] и на глаза к себе не пускает, без ума от него. Об бунте писали в Инвалиде[10] вздор, на который я в С. О.[11] отвечал таким-же вздором. Нет, не при нем здесь быть бунту. Надо видеть и слышать, когда он собирает здешних или по-ту-сторону Кавказа кабардинских и прочих князей; при помощи наметанных драгоманов, которые слова его не смеют проронить, как он пугает грубое воображение слушателей палками, виселицами, всякого рода казнями, пожарами; это на словах, а на деле тоже смиряет оружием ослушников, вешает, жжет их села — что же делать? — По законам я не оправдываю иных его самовольных поступков, но вспомни, что он в Азии, — здесь ребенок хватается за нож. А, право, добр; сколько мне кажется, премягких чувств, или я уже совсем сделался панегиристом, а, кажется, меня в этом нельзя упрекнуть: я Измайлову, Храповицкому[12] не писал стихов.

В последний раз на бале у Мадатова,[13] я ему рассказывал петербургские слухи о том, что горцы у нас вырезали полк. И он, впрочем, рад, чтобы это так случилось: „Чего, братец, им хочется от меня? Я забрался в такую даль и глушь: предоставляю им все почести, себе одни труды, никому не мешаю, никому не завидую. Montrez moi mon vainqueur et je cours l'embrasser“ *.

Однако, свечка догарает, а другой не у кого спросить. Прощай, любезный мой; все храпят, а секретарь странствующей миссии по Азии на полу, в безобразной хате, на ковре, однако возле огонька, который более дымит, чем греет: кругом воронье и ястреба с погремушками[14] привязаны к столбам; того гляди шинели расклюют. Вчера мы ночевали вместе с лошадьми: по крайней мере ночлег был.

---

* Покажите мне моего победителя, я его расцелую.

31-го января 1819 г.

Мой милый, я третьяго дня принялся писать с намерением исправно уведомлять тебя об моем быту, но Е. еще так живо представляется перед моими глазами, я только накануне с ним распростился, это увлекло меня говорить об нем; теперь обратить внимание от такого отличного человека к ничтожному странствователю было-бы нисколько не занимательно для читателей, если бы я хотел их иметь, но я пишу к другу и сужу по себе: ты для меня занимательнее всех плутарховых [15] героев.

28-го, после приятельского завтрака, мы оставили Тифлис; я везде нахожу приятелей, или воображаю себе это; дело в том, что многие нас провожали, в том числе Я***, и жалели, кажется, о моем от'езде. Мы расстались. Не доезжая до первого поста, Саганлука [16], где только третья доля была предлежавшего нам переезда, солнце светило очень ярко, снег слепил еще более, по левую руку, со стороны, Дагестанские горы, перемешанные с облаками, образовали прекрасную даль, притом-же не суховидную. Путь здесь не ровный, как в наших плоских краях; каждый всход, каждый спуск дарит новой картиной. Впрочем, зимние пути самые лучшие; по крайней мере воздух кроткий, а во всякое другое время года зной и пыль утомили-бы едущих; итак, в замену изящного, мы наслаждаемся покойною ездою. Но первый переход был для меня ужасно труден: мы считаем 7-мь агачей, по вашему 40 слишком верст; я по утру обскакал весь город, прощальные визиты и весь перегон сделал на дурном грузинском седле, и к вечеру уморился; не доходя до ночлега, отстал от всех, несколько раз сходил с лошади и падал на снег, ел его; к счастию у конвойного казака нашлась граната, я ей освежился. Так мы дошли до Демурчизама [17]. Сон и не в мои лета обновляет ослабшие силы. На другой день, кроме головной боли, я еще кое-чем не домогал, не сильно однако. Тот же путь, что накануне, но день был пасмурен. На середине перехода дорога вилась вокруг горы и привела нас к реке Храме. [18] Мы ехали по ее течению, а на склоне гора подалась влево и очистила нам вид на мост великолепный!.. [19] В диких, снегом занесенных, степях

вдруг наехали на такое прекрасное произведение архитектуры, ей Богу. Утешно! и удивляет!... Я долго им любовался, обозревал со всѐх сторон; он из кирпича; как искусно сведен и огромен. Река обмывает только половину его, в другой половине каравансарай, верно — пристройка к полуразрушенному; меня в этом мнении укрепляет то, что остальная часть состоит из четырех арок, которые все сведены чрезвычайно легко и с отличным вкусом, — нельзя, чтобы строитель не знал симметрии; верхи остры; первая от каравансарая, или средняя, самая большая, по моему счету 40 шагов в диаметре: я ее мерил шедши и паралельно там, где течение реки уклоняется; третья арка больше второй, но меньше первой, четвертая равна второй. Каравансарай велик, но лучше-бы его не было; при мне большой зал был занять овцами; не знаю — куда их гонит верховой, который с конем своим расположился в ближайшем покое. С середины моста сход по круглой, витой, ветхой и заледеневшей лестнице, по которой я было себе шею сломил; это ведет в открытую галлерею, которая висит над рекой. Тут путешественники, кто углем, кто карандашем, записывают свои имена, или врезывают их в камень. Людское самолюбие любит марать бумаги и стены; однако и я, сошедши под большую арку, где эхо громогласное, учил его повторять мое имя. В нескольких саженях от этого моста заложен был другой; начатки из плиты много обещали; не знаю — почему так близко

к этому, почему не кончен, почему так роскошно пеклись о переправе через незначительную речку, между тем на Куре, древней Цирусе Страбона[20], нет ничего подобного этому. Как-бы-то ни было, Сенаккюрпи[21], или как русские его называют „Красный мост“, свидетельствует в пользу лучшего времени, если не для просвещения, потому что Бетанкур[22] мог быть выписной, то по крайней мере царствования какого-нибудь из здешних царей, или одного из Софиев, любителя изящного[23].

С'ехавши с мосту я долго об нем думал; возле меня трясся рысцей наш переводчик Шемир-Бек[24]. Я принужден был ему признаться, что Петербург ничего такого в себе не вмещает, как он, впрочем, ни красив и ни великолепен, даже в описании П. Петр. Свиньина[25]. „Представьте“, сказал он мне, „8 раз побывать в Персии и не видеть Петербурга, это не ужасно ли!“ — „Не той дорогой мы взяли“, — отвечал я ему. Эта глупость меня рассмешила, не знаю — рассмешит ли тебя? Впрочем, такие ничтожности я часто буду позволять себе, потому что пишу для тебя собственно и для тех, которым позволишь заглянуть в нашу переписку, а не для печати, а не для пренумерантов С. Отечества, куда, впрочем, это марание по дурному слогу и пустоте мыслей принадлежит. Извини, что делаю тебе это замечание: ты скромен и любишь мое дарование, не уступишь меня критике людей, которых я презираю; но письма мои к другим я нарочно наполняю личностями, что-бы они как-нибудь со столика нашего любезного князя не попали на станок театральной типографии. Ни строчки моего путешествия я не выдам в свет, даром-что Катенин жалеет об этом и поощряет меня делать замечания, что для меня чрезвычайно лестно, но я не умею разбалтывать ученость; книги мои в чемоданах и некогда их разрывать; жмусь, когда холодно, расстегиваюсь, когда тепло, не справляюсь с термометром и не записываю, на сколько ртуть поднимается или опускается, не припадаю к земле, чтобы распознать ее свойство, не придумываю по обнаженным кустам — к какому роду принадлежит их зелень.

— Зовут обедать, прощай покудова. Если-бы я мог перенести тебя на то место, где пишу теперь! Над рекою, возле

остатков караван-сарая, куда мы прибыли после трудного пути, однако довольно рано, потому-что встал давно в 4 часа утра. Погода теплая, как уже в конце весны. В виду у меня скала с уступами, точно как та, к которой, по описанию, примыкают развалины Персеполя[26], я через ветхий мост, что у меня под ногами, ходил туда; взлетел и, опершись на повитший мшистый камень, долго стоял подобно Грееву Барду[27]; не доставало только бороды.

Вечером.

Хочешь-ли знать, как и с кем я странствую, то по каменным кругам, то по пушистому снегу? Не жалей меня однако: мне хорошо, могло-бы быть скучнее. Нас человек 25, лошадей с вьючными не знаю, право, сколько, только много что-то. Ранним утром поднимаемся; шествие наше продолжается часа два-три; я, чтобы не сгрустнулось, пою, как знаю, французские куплеты и наши плясовые песни, все мне вторят, и даже азиатские толмачи; доедешь до сухого места, до пригорка, оттуда вид отменный, отдыхаем, едим закуску, мимо нас тянутся наши вьюки с позвонками. Потом опять в путь. Народ веселый; при нас борзые собаки; пустимся за зайцем или за призраком зайца, потому-что я ни одного еще не видал. Этим случаем наши татары пользуются, чтобы выказать свое искусство, - свернут в бок, по полянам несутся во всю прыть, по рвам, кустам, доскакивают до горы, стреляют вверх и исчезают в тумане, как царевич в 1001-ночи, когда он невесту кашемирскаго султана взмахнул себе на коня и так взвился к облакам. А я, думаешь, назади остаюсь? Нет, это не в Бресте, где я был в „кавалерийском“[28], — здесь скачу, сломя голову; вчера купил себе новаго жеребца; я так свыкся с лошадью, что по скользкому спуску, по гололедице, беззаботно курю из длинной трубки. Таков я во всем: в Петербурге, где всякий приглашал, поощрял меня писать и много было охотников до моей музы, я молчал, а здесь, когда некому ничего и прочесть, потому-что не знают по-русски, я не выпускаю пера из рук. Странность свойственна человекам. Одна беда: скудность познаний об этом крае бесит меня на

каждом шагу. Но, думал-ли я, что поеду на Восток? Мысли мои никогда сюда не были обращены. Иногда делаю непростительные или невежественные ошибки, давича напр. несколько верст сряду вижу кусты в хлопчатой бумаге и принял их за бамбак[29], между тем как это отброски от караванов, — в тесных излучинах здешние колючие отрост[к?]и цепляют за хлопчатую бумагу и ее бы с них можно собрать до нескольких пудов.

Дорого-бы я дал за живописца; никакими словами нельзя изобразить вчерашних паров, которые во все утро круг горы стлались; солнце их позлащало и они тогда как кипящее огненное море... потом свились в облака и улеглись у подножия дальних гор. Между ними черная скала Пепис[30] плавала в виде башни; долго она то скрывалась от наших глаз, то появлялась по мере того, как мы переменяли направление, наконец подошли к ней, — нет приступу и в середине замок; не понимаю — как туда всходят. Мы ночевали в [illegible][31], но не имели в виду страшилища.....

Ночлег здесь обыкновенно в хате, довольно высоко освещенной маленьким отверстием над входом против которого в задней стене камин; по обоим сторонам сплочены доски на пол-аршина от земли и устланы коврами; около них стойла, ничем не заслоненные, не заставленные. Между этими норами у нас обыкновенно ставится круглый стол дорожный, повар наш славный, кормит хорошо. Мазарович[32] покуда очень мил, много о нас заботится; и уважителен, и весел.

Нынче мы с трудом проработывались между камней, по гололедице, в царстве Жуковского[33], над пропастями; туманы, туманы над горами.

Вчера я весь день как сурок проспал. Четыре дня как мы из Тифлиса, три остается до Эривани; нас очень пугают Дилижанским ущельем[34].

---

2 февраля 1819 г.

От Караванcарая[35] мы отправились по течению Автафы[36], встречь ее течению, и пошли ущельем, где около нас

повторялись кавказские места, — скалы лесистые, у их подножия, между ними, шумит река, то делится на тонкие струи. Только то разница, что в прежних ущельях порохом и ломом боролись с преградными твержами, а здесь руками человеков ничего не приспособлено к удобному проезду. Груды камней на каждом шагу как будто наростают; отростки деревьев бьют в глаза; дорога почти непроходимая; вышли на открытое место, тут сильный ветер поднялся на встречу и не переставал нас продувать и после, когда уже горы с'узились, и мы возле, в лесу, выбрали себе у склона горы, упершись в речку, местечко для отдыха и ночлега. Тут мы расположились на временную пастырскую жизнь, склали себе из вьюков балаганы, обвешали их коврами, развели огни, около них иные согревались, другие, насадив на лучину сырого мяса, готовили себе кебаб[37]. Лучше всех курился огонек на острове, поодаль от нас, возле котораго обсело странствующее купечество; лошади наши паслись на пригорках.

А хорошо было ночевать Мафусаилам и Ламехам[38], первый, кто молотом сгибал железо, первый, кто изобретал цевницу и гусли, — славой и любвью награждался в обширном своем семействе. С тех пор, как есть города и граждане, едем, едем от Финского залива до тудова, куда сын Товитов ходил за десятью талантами, а все в надежде добыть похвальную знаменитость, и, может, век до нее не доедем...

Эривань. 4 февраля 1819 г.

Вот другой день пребываем в армянской столице[39], любезный мой. Худо-ли, хорошо-ли мы ехали, можешь судить по маршруту, но, для верности, на каждый переход прикладывай верст по пяти, на иной и десять придется лишних, которые, если не домерены межевщиками, то от того не менее ощутительны для усталых путешественников:

От Тифлиса

	Версты.
Демунчихассанлу[40]	42
Инджа[41]	24

Джогас [42]	24
Каравансарай [43]	30
Бивуаки: Богас [44]	42
Каравансарай [45]	36
Эривань	50
	248=41 1/3 агачам [46]

Не стану утомлять тебя описанием последнего нашего перехода до здешнего города; довольно того, что я сам чрезвычайно утомился: не больше и не меньше 60-ти верст по глубоким снегам проехали мы в шесть часов, — разумеется, порядочной рысью. Вот действительная служба: сочинение канцелярских бумаг не есть труд, особливо для того, кому письмо сделалось любимым упражнением. Вам, гиперборейцам, невероятно покажется, что есть другие края, и на юге, где можно себе отморозить щеки; однако это сбылось на одном из наших людей и все мы ознобили себе лица. Еще теперь слышу, как хрупкий снег хрустит под ногами наших лошадей; во всякое другое время быстрая Занга [47] в иных местах застыла, в других медленно пробивается сквозь льды и снега под стены Эривани. Земля здесь гораздо возвышенней Грузии и гораздо жарче; один хребет гор, уже от Тифлиса, или еще прежде, отделился в-лево, с другим мы расстаемся, — он уклоняется к западу; все вместе составляет ту цепь, которую древние называли Тавром. Но, здешние равнины скучнее тех скатов и под'емов, которые мы позади себя оставили, — пустынное однообразие. Не знаю, от-чего у меня вчера во всю дорогу не выходил из головы смешной трагический стих:

Du centre des déserts de l'antique Arménie. *

В'ехавши на один пригорок, над мглою, которая носилась по необозримой долине, вдруг предстали перед нами в отдалении две горы, первая, сюда ближе, необычайной вышины. Ни Стефан-Цминд [48], ни другие колоссы кавказские не поразили меня такою огромностью; обе вместе завладели большею частью горизонта, — это двухолмный Арарат, в се-

* Из глубины заброшенных необитаемых мест древней Армении.

мидесяти верстах от того места, где в первый раз является таким величественным. Еще накануне синелись верхи его. Кроме воспоминаний, которые трепетом наполняют душу всякого, кто благоговеет перед священными преданиями, один вид этой древней горы сражает неизъяснимым удивлением. Я долго стояла неподвижен; мой златогривый, повидимому, не разделял чувств своего седока, двинулся, понесся и мигом погрузил меня с собою в влажную стихию; меня всего обдало сыростью, которая до костей проникает. Основание Арарата исчезло, середина тоже, но самая верхняя часть, как туча висела над нами до Эривани.

Уже в нескольких верстах, в нескольких саженях от города, догадались мы, что достигли до обетованного приюта; туман долго застилал его от наших глаз, наконец, на низком месте, между кустами, влево от дороги, по которой и мы своротили, показались две части зданий, одна с другой ни чем не соединенные. Мы въехали в предместье. Но, представь себе удар человеку, который в постылую стужу протрясся полдня в надежде приютиться в укромной горнице: на встречу нам ни души; стало быть, не радели о нашем успокоении, не отвели еще квартир. Я бесился; притом, неуважение к русским чиновникам всякого на моем месте, и с меньшим самолюбием, так-же бы оскорбило. Миновали сады, высокие три-

крытые кладбища, длинные каменные ограды, за которыми стоят дома, башни и куполы мечетей, а на встречу нет никого! Мазаровки кричит, что прямо ворвется к сардарю и сделает сумятоху. Наконец, выступаем на поле, что между крепостью и городом, и тут несется к нам посланный от сардаря[30] чиновник в драгоценной шубе, на богато-убранном коне и просит извинения, что эдʻютант, посланный нас принять, не по той поехал дороге; в самом деле мы избрали путь кратчайший, но не тот, которым обыкновенно сюда прибывают. В ту-же минуту фараш[30] в высокой шапке, в желтом чекмене в синем кафтане, с вышитыми на синие рукавами, длинным шестом своим указывал нам путь и бил без милосердия всякого, кто ему под руку попадался, мужчин и женщин. Женщины становились к нам задом, это меня огорчало, но впереди нами несли стулья в отведенный нам дом, это меня успокоило. Такое особенное предпочтение нам, русским, между тем, как Англичане смиренно сгибают колена и садятся на пол, как Бог велит, и разутые, мы, на возвышенных седалищах, беззаботно, толстыми подошвами нашими топчем персидские многоценные ковры. Ермолову обязаны его соотчичи той степенью уважения[31], на которой они справедливо удерживаются в здешнем народе.

Однако, прежде-чем идти далее, позволь сообщить тебе замечание. Для дамской нежной разборчивости оно-бы не годилось, но ты, военный человек, не взыщешь. При первом появлении посланного от сардаря и с ним двух фарашей, нашего обоняния коснулся самый чудный, тяжелый, неприятный запах. Не поверишь: избыток ассафетиды в наших аптеках — резеда в сравнении с этим. Не понимаю, как они, три злодея, так сильно и скоро умели заразить собою воздух!

В-след за действующим посохом фараша, за толпою народа, им гонимого, мы в'ехали чрез широкие наружные ворота в дом Мегмет-бея; в круглом, крытом и немощеном под'езде слезли с лошадей и через другие ворота, над которыми возвышается большая надстройка, вступили во внутренний двор, обнесенный с одной стороны теремом, с другой высокой и фигурной стеною; в нем замерзшие фонтаны и водо-

меты; взошли на крыльцо, для входа перед нами отдернули тяжелую запону, которою здесь завешивают все двери, и впустили в переднюю комнату. С-права зал, с-лева зал; и один, как другой; множество впадин и простынь, и потолок лепной всякой всячиной; окны косящатые с резьбой, тьма симметрически расположенных четвероугольничков из разноцветной слюды; однако свету достаточно, чтобы лба не расшибить. Мы расположились в обоих залах. В-миг запылали камины, на небольших амвонах расставили жаровни, подали кальяны. Вскоре нагрянула к нам тьма посетителей и затерянный адъютант. Нас очень забавляло это европейское наименование, которое придают человеку, тем только отличающемуся от прочих, что он ближе к особе сардаря и следовательно чаще подвергается палочным ударам. Хозяин наш отбыл на охоту, брат [52] заступал его место и из'яснял, что дом, услуга и даже собственная его особа нам принадлежит. Тут-же мы нашли английскаго указателя, не книжку, а человека. Во все мешается, все указывает; природа, кажется, обрекла его хлопать бичем возле кюррикеля [53] или работать веслами в Темзе [54], — здесь он переводит альбионское [55] ученье на фарсийский язык, который для этого довольно плохо знает; ему вверяют целый баталион, или меньше, по-крайней-мере он так говорит. Сарбазы [56] порядочные выйдут балансеры, если по нем образуются. Между-тем, он нам смерть надоедает; вот другой день не знаем — как от него отделаться; вообще, неугомонное любопытство и неотвязчивость здесь в большом употреблении. Каждую минуту незнакомые лица наполняют комнату, смотрят в глаза, в бумагу, если пишешь, и в ту самую минуту какая-то необыкновенная рожа, прикрытая уродливой шапкой, уткнулась в мое письмо. Мне страшная охота припадает за это проучить ее.

Сардарь прислал нам дикого барана с своей охоты; пребольшой зверь, рога с оленьи, передняя часть преимущественно обросла тучным руном; за эти гостинцы надобно отдаривать; Мазарович щедро отплачивается калейдоскопами, которым пора прельщать Азию, потому-что нам уже приглядались.

Вечером озарило наши покои красное солнышко Эривани, — лысый, приветливый, веселый старик, любитель русских, почитатель Ермолова, хозяин наш Мегмед-бек, сарант[57], полковник, не в том значении, что за этим чином следует генерал-маиор и проч., а просто военный начальник. Перед ним, за ним, несли увесистые подсвечники, подносы с сластями и лакомства, которыми, если-бы их описать, вряд-ли бы я разлакомил твое воображение. Но, в каком-бы виде оно ни было, гостеприимство должно притупить стрелы насмешливых наблюдателей; лучше познакомить тебя с персидскою учтивостью. Вот образчик: Мазаровичу сказал Мегмед-бек, что он до-того обрадован его приездом, что если-бы такому дорогому гостю вздумалось позабавиться и отсечь голову всем его слугам и даже брату, он бы чрез то великое удовольствие принес хозяину; а мне, первостепенному мирзе, когда я просил его велеть унести жаровни, чтобы от жару не переменить место и не отсесть от него далее, об'явил, что место мое у него под правым глазом. Карамзин[58] бы заплакал, Жуковский стукнул-бы чашей в чашу, я отблагодарил янтарным гроздным соком, нектаром Эривани, и пурпурным кахетинским. Беседа наша продолжалась далеко за полночь. Разгоряченный тем, что видел и проглотил, я перенесся за двести лет назад в нашу родину. Хозяин представился мне в виде добродушного москвитянина, угощающего приезжих из немцев, фараши его домочадцами, сам я — Олеарий[59]. Крепкие напитки, сырые овощи и блюда с сахарными брашнами, все это способствовало к переселению моих мыслей в нашу седую старину, и даже увертливый красный человечек, который хотя и называется Англичанином, а право, нельзя ручаться-из каких он, этот аноним, только рассыпался в нелепых рассказах о том, что делается за морем, — я видел в нем Маржерета[60]. выходца при Дмитрие, прозванном Самозванцем, и всякого другого бродящего иностранца того времени, который в наших теремах пил, ел, разжирался и, возвратясь к своим, ругательством платил русским за русское хлебосольство. И эриванский Маржерет или Дурьгильбред[61] язвительно отзывается на счет Персиян, которые не допускают его умереть с голоду.

Эривань, 5-го февраля 1819 г.

На утро, после нашей вечерней беседы, я встал с жестокою головною болью, надо было приодеться и ехать к сардарю. В передней ждал нас насскул[62] его в красном длинном платье, при ужасной палке с позолоченным набалдашником для известного употребления.

Сардарь Гуссейн-хан[63] (из царствующего ныне поколения Каджаров)[64], в здешнем краю первый по Боге, третий человек в государстве; власть его надежнее, чем турецких пашей; он давно уже на этом месте; платит ежегодно в бейрам[65] не всегда одинаково, в виде подарка, а не государственных доходов, несколько тысяч червонцев, за которые имеет право взимать третию долю со-всего, что земля производит, а разшутится, так и все три доли его. Разумеется, что продавцы ждут, покудова он свою часть не сбудет с рук. Не только внутренняя торговля, им часто стесняется и внешняя, не смотря на трактаты, которые, так как и Адам Смитова система[66], не при нем писаны. От себя содержит войско, но в военное время требует денег от двора. В судных делах его словесное приказание закон, если истцы или ответчики не отнесутся к Шар[67], кодексу великого пророка, которого уставы неизменны. Одевшись, мы отправились к его высокостепенству. Нам предшествовал насскул и также исправно отправлял свою должность, как фараш накануне. Дома здесь испещренны внутри, снаружи удерживают цвет природы, свойственный материалам, из которых выстроены, по-большей-части дикие. В нашем отечестве роскошь гостиные и залы убирает с изящною простотою, а извне любит раскрашивать стены и приставлять к ним столбики.

Мы доехали до зубчатой крепостной ограды, потом через несколько скважень, которые называются улицами, протеснились до последнего двора сардаря. Не знаю — что тебе сказать об его хоромах?[68] Нет ничего целого, притом столько кривизны, поворотов, переулков, пристроек, надстроек, входов, проходов, узких, сумрачных и вовсе мрачных, что только не доберешься. В преддверии, род кануры, и на площадке перед ним

толпилась тьма любопытных; их наружность, ужимки, платья все это похоже на вход в маскарад. Взошли в приемную; она должна быть очень хороша для персидских глаз: велика, пол устлан дорогими, узорчатыми коврами, и потолок и весь зал расписан многими японскими узорами: с-лева ставни занимают всю продолговатую стену: в них цветная слюда перемешена с резьбою и с наклейными коймами - - это окна. Прямо против входа камин; в правой, тоже длинной, стене выемка в полукружие, в котором выпуклый потолок представляет хаос из зеркальных кусков, и там камин. На всех стенах, в два ряда, один над другим, картины, — похождения Ростома[69], персидского великана сумраков, которого Малькольм[70] вклеил в свою историю. Я имел время на все это уставить мой лорнет, потому-что нашего сардаря еще не было. Хан, сын его, в красной шубе, подогнувшимися коленами, сидел на отцовском особенном ковре возле камина, что против входа. Он делал нам обыкновенные вопросы о здоровьи высоких особ. Потом все в поле поклонились входящему сардарю. Тьма народу высыпало за ним. Он, взявши за руку Мазаровича, сказал ему, что познакомился с нами, его мирзами,[71] потом с

тремя детками уселся в угол на своем месте. Сын его стал у притолки с прочими приближенными чиновниками, брат сардаря[72] сидел по другую сторону камина, мы к окну на приготовленных для нас стульях, все прочее благоговело, стоя в глубоком молчании. Он сделал те же вопросы, что сын его; подали кальян, чай с кардамоном.[73] На головах несли огромные серебряные подносы с конфектами; несколько подносов со множеством сластей поставили перед нами. Сардарю прислуживали на коленах. Конфекты совсем для меня нового рода, однако превкусные; я около них постарался. Между тем разговор происходил о походе Алексея Петровича Ермолова в Чечню и в Дагестан, о путешествиях нашего Государя по Европе для утверждения повсеместного мира. Не помню, право, при каком случае он Вену перепутал с Венециею...

Нахичевань 9-го февраля, 1819 г.

Третьяго дня, 7-го, мы отправились из Эривани, сегодня прибыли сюда; всего $133^{1}/_{2}$ версты. Не усталость меня губит, с зирепость зимы нестерпимая; никто здесь не запомнит такой стужи, все южныя растения померзли. Притом, как мне надоели все и все! Прав Шаховской, — скука водит моим пером; не мудрено, что я тебе сообщу ее-же. Нет! нынешний день не опасайся ничего; ложусь спать с одним воспоминанием о тебе!

10 — 13 февраля, 1819 г.

Сейчас думал, что бы со мной было, если-бы я беседой с тобою не сокращал мучительных часов в темных, закоптелых ночлегах! Твоя приязнь и в отдалении для меня благодеяние. Часто всматриваюсь, вслушиваюсь в то, что сам для себя не стал-бы замечать, но мысль, что наброшу это на бумагу, которая у тебя будет в руках, делает меня внимательным и все в глазах моих украшает надежда, что Бог-даст свидимся, прочтем это вместе, много добавлю словесно и тогда сколько удовольствия! Право, мы счастливо созданы.

Как я тебе сказал, мы выехали из Эривани 7-го. Обстоятельно не могу изобразить его. Мы там всего пробыли

три дня с половиной и то задержали некоторые дела с сардарем. Думали также переждать холод, но напрасно: он не переставал свирепствовать. Я даже не отважился с'ездить в древний Эчмядцинский монастырь, [74] в 18-ти верстах от Эривани в сторону, и вообще кроме как для церемониального посещения сатрапу, не отходил от мангала, [75] и от камина, который, по недостатку дров, довольно скудно отапливался. Сколько я мог видеть, при в'езде и выезде, город пространен, а некрасив, и длинные заборы и развалины, следы последней осады русскими, [76] дают ему вид печального запустения. Об обычаях здешних и нравах мне еще труднее сказать мое мнение от недостатка времени и случая к наблюдениям. Если по одному позволено судить о многих, вот что я видел в доме богатого и знатного эриванца. Фараши его в 18 градусов по Реомюру, с раскрытой шеей, без зипунов, не согреваются даже достаточною пищею, но господин иногда ущедряет: разделяет им подачки со своего стола из собственных рук, по кусочку пирожного, наиболее приближенным. Это домашние дела; в делах государственных здесь, кажется, не любят сокровенности кабинетов: они производятся в присутствии многочисленных слушателей. Я, в простоте моего сердца, сперва подумал, что, стало быть, редко во зло употребляется обширная власть, которой облечены здешние высшие чиновники, но в том, в чем наш поверенный в делах об'яснялся с сардарем, наприм.: о переманке и поселении у себя наших бродящих татар, о притеснении наших купцов, высокостепенный был кругом неправ, притом изложил, составленную им самим, такую теорию налогов, которая, не думаю, чтобы самая сносная для шахских подданных, вверенных его управлению. И все это говорилось при многолюдном сборище, чье расстроенное достояние ясно доказывает, что польза сардаря не есть польза общая. — Рабы, мой любезный! И по делом им! Смеют-ли они осуждать верховного их обладателя? Кто их боится? У них и историки панегиристы. И эта лестница слепого рабства и слепой власти здесь беспрерывно восходит до бега, хана, беглербега [77] и каймакама [78] и таким образом выше и выше. Недавно одного областного начальника, не взирая на его 30-ти-лет-

ною службу, седую голову и алкоран в руках, били по пятам, разумеется, без суда. В Европе, даже и в тех народах, которые еще не добыли себе конституции, общее мнение по крайней мере требует суда виноватому, который всегда наряжают. Криво-ли, прямо-ли судят, иногда не как хотят, а как велят, — подсудимый хоть имеет право предлагать свое оправдание. Всего несколько суток, как я переступил границу, и еще не в настоящей Персии, а имел случай видеть уже не один самовольный поступок. Ты это в свое время узнаешь. В заключение скажу тебе об эриванских жителях, что они летом может-быть очень приятные люди, а зимой вымораживают своих гостей; это никуда не годится; я продрог у сардаря и окостенел у Мегмед-бега.

День нашего от'езда из Эривани был пасмурный и ненастный. Щедро осыпанный снегом, я укутался буркою, обвертел себе лицо башлыком, пустил коня на-удачу и не принимал участия ни в чем, что вокруг меня происходило. Потеря не большая; сторона благословенная летом, в рассказах и в описаниях, в это время и в эту погоду ничего не представляет изящного. Арарат, по здешней дороге, пять дней сряду в виду у путешественников, но теперь скрылся от нас за снегом, за облаками. Подумай немножко, будь мною на минуту: каково странствовать молча, не сметь раскрыться, выглянуть на минуту, чтобы, хуже скуки, не подвергнуться простуде. И между ног безпрестанное движение животного, которое не дает ни о чем постоянно задуматься! Часто мы скользим по оледенелым протокам; иные живее прочих; не замерзшие проезжали в брод. Их множество орошают здешния поля; вода нарочно проведена из горных источников и весною, усыряя пшеничные борозды, долго на них держится посредством ископанных для этого гряд, с которых мы каждый раз обрывались и вязнули в зыбучих глубях.

Нет! я не путешественник! Судьба, нужда, необходимость может меня со временем преобразить в исправники, в таможенные смотрители; она рукою железною закинула меня сюда и гонит далее, но, по доброй воле, из одного любопытства, никогда-бы я не расстался с домашними пенатами, чтобы блу-

ждать в варварской земле в самое злое время года. С таким ропотом я добрался до Девалу, большого татарского селения, в 8½ агача от Эривани, бросился к комельку, [79] не раздевался, не пил, не ел и спал как убитый.

На другой день, для перемены, опять в поле снег, опять гнилое странствие! К счастию, от'ехав с пол-агача, поровнялись с персидским барином, ханом каким-то, который на покои отправлялся к шах-зиде! За ним фараши, — один вез кальян, у другого к седлу прикреплена жаровня со всегда готовыми углями для господской курьбы, у третьего огромная миса с табаком для той-же потребности. Если-бы вместо этой пустой роскоши, собрать всех кальянщиков, подкальянщиков и самих страстных курителей кальяна и заставить их расчистить, утоптать, умять снег на дороге, чтоб как-нибудь можно было ехать в повозках, не гораздо-ли бы лучше! Новый наш спутник в восхищении, что нашел случай познакомиться с российским поверенным в делах, начал отпускать ужасную нелепицу! Что за гиперболы! В Европе, которую моралисты вечно упрекают порчею нравов, никто не льстит так бесстыдно! Слова: *душа, сердце, чувства* повторялись чаще, нежели в покойных розовых книжечках „Для милых“! Любовь, будто-бы от одного слова, от одного взора нового почтенного знакомца заронила искру в сердце его (персидского хана) и раздула неутушимый пожар, и проч. Во всякое другое время я-бы заткнул уши, но теперь этот восточный каталакус [80] пришелся очень кстати: едва заметно было, как мы сделали 6 агачей [81] до ночлега. Мне пришло в голову, — что кабы воскресить древних Спартанцев и послать к ним одного нынешнего персиянина велеречивого, — как-бы они ему внимали, как-бы приняли, как-бы проводили?..

Ты мне пеняешь, за чем я не уведомляю тебя о простреленной моей руке. Стоит ли того, друг мой! Еще-бы мне удалось раздробить ему плечо, в которое метил! А то я-же заплатил за свое дурачество. Судьба... В тот самый день, в который... Ну, да Бог с ним! Пусть стреляет в других, моя прошла очередь.

Иные славят Александра,
Иных прельщает Геркулес,
И храбрость Конона, Лизандра,
Еще других Мильтиадес. —

Есть мужества пример,
Рау, рау, рау, рау,
Рау, рау, рау, рау,
Британский гренадер.

Князю напоминай обо мне почаще. Это одно из самых приятных для меня созданий. Не могу довольно нарадоваться, что он в числе тех, которые меня любят и кому я сам душевно привязан. Его статура, чтенье, сочинения, горячность в спорах о стопах и рифмах, кротость с Катериной Ивановной [82], — не поверишь, как память об этом обо всем иногда рассеселяет меня в одиночестве, в котором теперь нахожусь. Досадно, что на этот раз некогда к нему писать. Матушке сказать два слова я еще не принимался, а Осип Мазарович торопит; это брат нашего поверенного, отправляется в Россию. Товарищ Амбургер [83] тоже не выдержал, поехал к водам, а может-быть не воротится. Что-ж ты скажешь, мое золото, коли я вытерплю здесь два года?

А начальная причина все-таки ты. Вечно попрекаешь меня малодушием. Не попрекнешь-же вперед, право нет: музам я уже не ленивый служитель. Пишу, мой друг, пишу, пишу. Жаль только, что некому прочесть. Прощай, не расстался бы с тобой! Обнимаю тебя крепко-на-крепко. Однако, как мне горько бывает!..

Таврис, 1819 г.

Таврис [84] с его базаром и караван-сараями. Встреча, почести. Фетхалихан [85] боится каймакама. [86] Обед у Англичан, визит каймакаму. Сир Роберт Портер. [87] Приезд шах-зады, [88] церемониальное посещение, Англичане, мое мнение на счет их и наших сношений с Персией. Бани и климат в сравнении с тифлисскими. Мерзлые плоды. Пляска и музыка.

21-го (февраля?) выезд из Тавриса. Лошади шах-зады славные; день кроткий, бессолнечный; с обоих сторон при-

горки, слои белые, глинистые, из которой дома строятся. Возле самого Тавриса красные, пшеничные загоны, борозды под малым снегом похожи на овощные огороды. Место довольно гористое, $2^1/_2$ станции. Раскинутые сады, тополи, славные квартиры в деревнях, лучше чем в прежних.

Второй день. Путь внизу, возле гор; справа долина, за которой другая цепь гор. Возле каравансарая много отдыхающих путешественников, верблюдов и ослов; и мы отдыхаем. Скидаю маску, новый свет для меня проснял. Из каравансарая поднимаемся в гору по глубокому и рыхлому снегу, и так до самых Уджан.[89] В виду летний замок.[90] После обеда отправляемся; тьма лисиц на дороге, пьют, играют по снегу и, при нашем приближении, убегают в горы. Юг, 20 ветров, красные облака и между ними синева; черные тучи сзади; между этим всем звезды, как палительные свечи.

Третий переход трудный, крутизны и страх-снежно. С'езд на катерах. Долго еду, спускаюсь в селение, где ночлег. Вьюки падают, чуть не убивают людей каждый раз, когда об'езжают их верховые стороной, где снег глубокий.

Четвертый переход приятный, однако много под'емов. Река Миана. Часто переезжаем в брод около красных утесов, которые похожи на обыкновенные здания. Приезд в Миану.[91] Опасное насекомое, ковры.

Пятый. Туманы. Вступаем в ущелья самые узкие, пещеры, туман. Мост на Кизиль-агаче;[92] оттуда-же по горам, на каждом шагу падают лошади; тьма селений, но все не те, где ночевать. Блужданье по полям, где нет дороги и снег преглубокий. Так застигает ночь. Приезд в замок.

Шестой. Трудный путь по зимней дороге; где протаяны, там скользко и камни. Устаю. Солнышко садится чрезвычайно живописно и золотит верхи гор, которые, как волны, зыблются от переменчивого отлива. Местечко, славный замок. Хан. Много деревень.

Седьмой. Бесснежный путь. Славный из-дали Занган[93] красиво представляется. Встреча. Перед Зайганом в деревне — встреча. Множество народу. Сходим возле огромного дома. Описание его. Славные плоды. Явление весны. Музыка вечером.

Восьмой день там-же. Накануне батоги и 5 туманов за лошадь.

Девятый. Горы простираются справа и слева. Между ними долина необозримая. Вот, до-которых-пор доходило посольство. На кургане, окруженном деревьями, беседка приемная, другая тоже, башня четвероугольная, как в Зангане гарем, треугольник для евнухов, беседка для бани. Ямы на поле, замок, далее руины Султанея[94]. Тьма верблюдов, ширванские купцы. Мечеть вся внутри изложена двойными изразцами. История Кодабенде. Ленивые слова как кружево. 37 шагов в диаметре, 43 шага до 3-го этажа, от 2-го до 5-го 22; потом 60 шагов без ступеней, сход на платформу, где купол, 8 минаретов, в одном 40 шагов. Вид оттудова.

Десятый день холодный и дождливый. Целый день в маске и в тюрьме. Заезжаем в деревню, где хозяин желает прихода русских. Вечером прояснилось. Дождь смыл везде снег, даже на горах. Скачем до Абгара.[95] Сады в Абгаре, мечети; выезжаем из ворот, славная дорога, скачем друг-перед-другом и доскакиваем до ночлега. Уже горы чрезвычайно расширились. На другой день в $3^1/_2$ часа поспеваем в Казбин[96].

Казбин, древняя метрополия поэтов и ученых. Фисташковые деревья. Хозяин жалуется богу на Каджаров. Остатки древнего великолепия — мечети, мейданы и проч. Перед Каз-

бином много деревень в стороне, принадлежат сардарю Эриванскому; им же выстроены училища в Казбине.

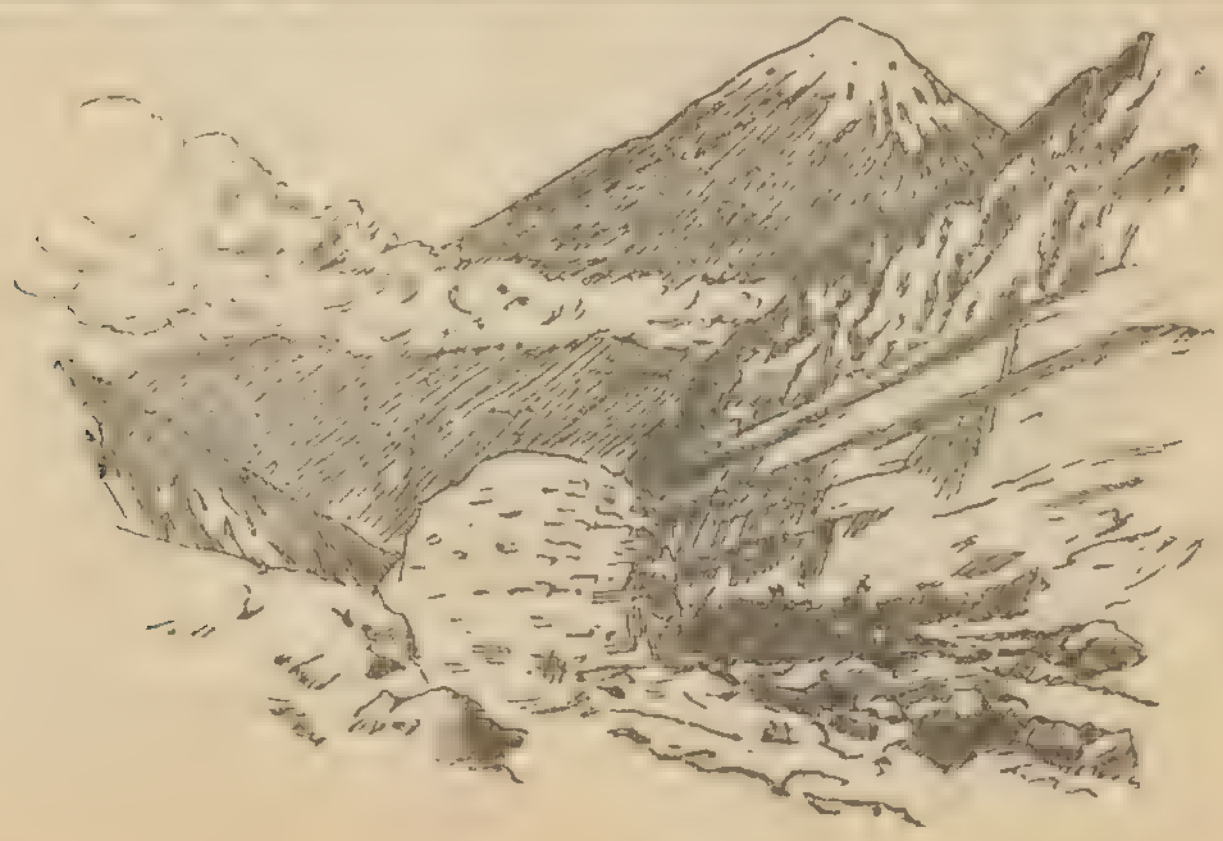
Из Казбина едем к юго-востоку; широкая равнина продолжается. Ночлег. На другой день большой переход; я отстаю. Утро славное; мальчик с ослом плачет, что он вперед пойдет. Встреча с ханом, религиозное пение. Издали увеселительный замок шахов в местечке, стоит на террассах; большой двор, вправо жилья, конюшни, влево два царские жилья и башня. С другой стороны замок Алия и гора. И теперь хороши, а летом еще лучше должно быть.

Переход похож на прогулку; много народу встречается на дороге. Мы то в'езжаем на пригорки у склона горы, то опускаемся, но вскоре горы нас сами оставляют и укланяются schreck überrüks в-лево; открываются Негиристанские горы. Под'езжаем к руинам, на-право Рагы Мидийские,[97] мечеть и там возвышается Тагирань.[98] Наш дом.

Тагирань.

Негиристанские горы влево. Демавенд[99] за облаками, впереди равнина, справа развалины Рагов Мидийских и мечеть. Стены с башнями, ворота выложены изразцами, неуклюжие улицы (грязные и узкие) — это Тагирань.

Визит седеразаму,[100] бодрый старичек. Накануне бейрама, по знаку астронома, пушечный выстрел, подарки, форма принимания.



В навруз[101] мы, как революционные офицеры, перед нами церемониймейстер, проезжаем несколько улиц, в'езжаем через крытые ворота, на обширной площади много народу; чисто, род бульвара. Слева башни разноцветные и стены; впереди мечеть, справа новая мечеть, первый позлащенный купол. Поворачиваем влево, через ворота в крытую улицу; еще площадь, усеяна народом, разные костюмы, песни, бимбаши,[102] огромные пушки на помостах, фальконеты;[103] доезжаем до внутреннего двора, где настоящий праздник.[104] Ждем в комнате возле троной. Потом и Англичане. Перед окошками множество чиновников в богатых шалевых платьях, суетятся в промежуточных аллеях; перед троном бассейн с водометами, в нишну трона; устланы искуственными цветами, как у нас вербы; сербеты[105] подносятся; далее, в продолговатости, другой такой-же бассейн.

Взводят на наши места. Три залпа фальконетов. Журавль. Шах-зиды, большие и малые. Царь в богатом убранстве[106] и с лорнетом. Амлихово замечание.[107] Муллы, стихи, God save the king,[108] трубы, стихи, слон, деньги, представления, телодвижения короля. Как длинна борода царя.[109] Он также в гареме празднует бейрам.

Накануне, ночью и во весь день все варварская музыка.

Наш дипломатический монастырь.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Степан Никитич — Бегичев, ближайший друг Грибоедова, с которым он познакомился в 1813 году, когда они вместе находились в распоряжении ген. Кологривова, командовавшего кавалерийскими резервами в Белоруссии. В дальнейшем, по переезде их в Петербург, дружба их не прерывалась; жили они вместе, вращаясь в театральных, литературных и общественных кругах. От'езд Грибоедова на Восток в 1818 году разлучил на время друзей.

2. Катенин Павел Александрович — писатель; один из ближних приятелей Грибоедова. Автор „Андромахи" и др. драматических произведений. Известен также своими переводами на русский язык Корнеля, Расина и др. В сотрудничестве с Катениным Грибоедов написал комедию „Студент".

3. Князь — А. А. Шаховской (1777 — 1846) — драматург и театрал; начальник репертуара „императорских" театров; издатель журнала „Драматический вестник". Грибоедов в сотрудничестве с ним написал пьесу „Своя семья".

4. Холминский и Ольгинский — персонажи из комедии кн. Шаховского „Урок кокеткам или липецкие воды“ (1815 г.).

5. В Тифлисе Грибоедов пробыл с 21 октября 1818 года по 28 января 1819 года.

6. Алексей Петрович — Ермолов (1772—1861) — главнокомандующий на Кавказе с 1817 года; при нем протекла большая часть служебной деятельности Грибоедова на Кавказе; ознаменовал свое управление необыкновенною жестокостью и деспотизмом. Был уволен в 1827 году, в самый разгар русско-персидской войны. По мере близкого знакомства с Ермоловым, у Грибоедова сложилось следующее мнение о нем: „Я его вечный злодей“ (сообщение Д. Давыдова. „Русский Вестник“ 1863 г., декабрь, стр. 584).

7. Перевод: „Не приносите нас в жертву, ваше превосходительство, если когда-нибудь вы будете воевать с Персией“. Здесь Грибоедов имеет в виду взгляд Ермолова официально доносившего в 1817 году, что „Персия со временем должна будет понять потерю областей лежащих между нами и Араксом. Первая война должна отдать их в наши руки“. (Акты Кавказской Археографической Комиссии, т. VI, ч. 2, стр. 286).

8. Он (Ермолов) в Тифлис приехал отдохнуть после своей экспедиции против горцев. Ермолов возвратился в Тифлис 25 декабря 1818 года из экспедиции, предпринятой им против Чечни и Дагестана.

9. Я*** (Якубович А. И.), на которого он сердит за меня. Между Грибоедовым и Якубовичем (впоследствии изв. декабристом), тогда поручиком Нижегородского драгунского полка, произошла дуэль в окрестностях Тифлиса (23 октября 1818 года), на которой Грибоедов был легко ранен в руку. („Записки“ Н. Н. Муравьева-Карского „Р. Архив“ 1889 г).

10. Инвалид — газета „Русский Инвалид“.

11. С. О. — „Сын Отечества“ — журнал, основанный в Петербурге в 1812 г. как официальный орган. Редактором был назначен Н. И. Греч. С 1825 г. — соредактором Греча был Ф. Булгарин.

12. Измайлов и Храповицкий — писатели, современники Грибоедова.

13. Мадатов В. Г. — генерал. Местный уроженец. Любимец Ермолова.

14. Ястреба с погремушкой — использовались на Востоке для охоты.

15. Плутарх — древне-греческий писатель

16. Саганлук (Саганлуг) — селение и первая почтовая станция от Тифлиса.

17. Демурчизам — на старых картах обозначена Демурчасалы, правильнее — Демурчихасанлы — вторая почтовая станция от Тифлиса на Эривань.

18. Храм — приток реки Куры.

19. Мост великолепный — построен в середине XVII в. из красного кирпича, вследствие чего русскими мост этот назван — красным. На концах моста устроено было два довольно обширных и удобных караван-сарая. На середине моста находится башенка, оттуда небольшая лестница спиралью ведет в камерку, устроенную между арками (сохранилась до наших дней, но в очень запущенном виде). По словам Шардена, известного путешественника (в конце XVIII в.), „подобного (моста) по красоте и прочности, (он) не видел в Европе“.

20. Цирусс Страбона. Cyrus, по определению Страбона, древне-греческого историка, называлась река Кура — самая большая на Кавказе. Начало берет в Азиатской Турции, в Ольтинском пашалыке.

21. Сенак кюрпи — правильнее Сыныx-керпи, что означает сломанный мост. Выстроен на месте прежнего, сломанного. Мост, поддерживаемый четырьмя арками, имеет в длину 155 метр.

22. Бетанкур Авг. — известный инженер, создавший много крупных сооружений. Принимал участие в постройке Военно-Грузинской дороги. Здесь его имя в нарицательном значении.

23. Из Софиев, любителя изящного. Надо полагать, что в данном случае, вместо Софиев, должно стоять „сефевидов“ — династия царей в Персии, давшая 11 шахов за время с 1502 по 1722 г.

24. Переводчик Шемир-бек — Мелик-Бегляров Шамир Фридонович; состоял на службе по дипломатической канцелярии главнокомандующего на Кавказе.

25. В описании П. Петр. Свиньина: „Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей“. СПБ 1816 г.

26. Развалины Персеполя. Древняя столица Персии, теперь развалины.

27. Грееву барду — Томас Грей, автор оды „The Bard“, написанной в 1757 году.

28. В „кавалерийском“ — иркутский гусарский полк, где служил Грибоедов в 1813-14 г.г.

29. Бамбак (памбук) на местных языках означает хлопок. Доставлялся в Грузию караванами из Эриванской провинции; один из наиболее важных видов сельско-хозяйственной продукции Эриванской провинции. Ежегодная добыча выражалась около 3.000 халваров (халвар — около 500 килограммов).

30. Скала Пепис (Пипис) — близ селения того же названия Казахского района.

31. Мы ночевали в ***. Надо предположить, что ночлег свой Грибоедов устроил в сел. Пипис, где обыкновенно останавливались на ночлег все путешествующие из Тифлиса в Эривань.

32. Мазарович С. И. — русский поверенный в делах с Персией с 1818 по 1826 г. Был назначен на эту должность по представлению Ермолова, в свите которого он состоял доктором (во время посольства Ермолова в Персию).

33. Жуковский В. А. — известный поэт.

34. Нас очень пугают Дилижанским ущельем. В описываемое время эта часть дороги была в самом плачевном состоянии, вследствие частых разливов рек.

35. От Каравансарая — селение Казахского района, сейчас город, следующая после Пиписа почтовая остановка Отсюда шла также дорога на Гумри (сейчас Ленинакан).

36. Автафы — следует Акстафы — приток р. Куры.

37. Кебаб — персидское кушанье из рубленной баранины с луком.

38. Мафусаилам и Ламехам... сын Товитов — библейские имена.

39. В армянской столице — Эривань, тогда главный город-крепость эриванского ханства. Благодаря обилию воды и плодородной почве, большую часть города занимали сады. Наличие благоприятных экономических условий (через Эривань проходил транзитный путь в Персию, при чем не взыскивались налоги для уплаты шаху) сделало Эривань крупным торговым центром. В Эривани, с населением в 15.000, было восемь крупных караван-сараев.

40. Демунчихассанлу — следует Демурчихассанлу (см. стр. 41).

41. Инджа — река Инджа-су — приток Куры, пересекала путь.

42. Джогас — река, впадающая в р. Акстафу. Пересекала путь.

43. Каравансарай — (см. стр. 42).

44. Богас — следует Погос — селение в окрестностях Делижана.

45. Каравансарай — селение близ курорта Дарачичаг.

46. Агач — мера расстояния, принятая в Персии; равна 6—7 километрам.

47. Занга — река; берет начало с Гокчинского озера, проходит через Эривань и впадает в р. Аракс.

48. Стефан-Цминд — гора Казбек.

49. Сардарь — правитель края.

50. Фарраши — скороходы, слуги высокопоставленных лиц.

51. Ермолову обязаны его соотчичи той степенью уважения — возглавляя посольство в Персию в 1817 году, Ермолов наотрез отказался следовать унизительному этикету персидского двора, принятому при аудиенции.

52. Брат (хозяина) — Джафар Кули-бек.

53. Кюррикель — (Curricle) — род экипажа в Англии.

54. Темза — река в Англии; протекает через Лондон.

55. Альбионскос — Альбион — поэтическое наименование Англии.

56. Сарбазы — регулярные войска в Персии.

57. Мегбед — бек, саранг, полковник — владелец многих крупных поместий в Эриванском хозяйстве и приближенное лицо к сардарю. В официальных документах в период русско-персидской войны именуется сартипом (первый генеральский чин). При взятии русскими Эривани (1827 г.) получил должность „ассесора" губернского правления. В марте 1827 года бежал в Маку вместе с другими беками. За это все его земли были конфискованы. В его доме также останавливался Ермолов со свитою (в 1817 г.), следуя в Персию.

58. Карамзин, Н. М. — писатель, историк и публицист.

59. Олеарий — Адам, секретарь голштинского посольства. Автор известного „Описания путешествия в Московию и Персию" в 1633—9 г. г.".

60. Маржерет (Margeret) — родом француз; капитан иноземных телохранителей Бориса Годунова, а потом Дмитрия Самозванца; принимал затем активное участие на стороне поляков. Свои воспоминания с 1590 по 1606 г. изложил в книге „Состояние российской державы в начале XVII века" — в самом непривлекательном для русских освещении.

61. Дурьгильбред — дурь, гиль, бред.

62. Иасскул — должно быть ясаул, т. е. есаул — у персов должность соответствующая церемониймейстеру. В русских

правительственных учреждениях тех времен есаулами назывались старшие переводчики.

63. Гуссейн-хан—сардарь эриванский с 1806 по 1828 г. По свидетельству И. Шопена, «сардарь отличный хозяин; он населил пустопорожние места, развил сады, рощи, прорыл новые канавы и привлек из разных мест во вверенное ему ханство множество жителей. Кроме того, он принимал деятельное участие во всяком промышленном предприятии, во всяком торговом обороте; снабжал земледельцев скотом, плугами, семенами, купцов — деньгами и товарами. Собирал безотчетно подати, чеканил монету, казнил преступников по собственному усмотрению, словом, действовал самовластно». („Истор. памятник состояния Армянской обл. в эпоху ее присоединения к Российск. Империи". СПБ. 1852 г.). Такое независимое его положение об'ясняется тем, что персидское правительство учитывало особое значение этой провинции в случае войны Персии с Россией. Поэтому оно относилось к сардарю с полным доверием, не вмешиваясь ни в какие его распоряжения, и не только не требовало от него каких-либо уплат, но еще периодически отпускало в его распоряжение значительные суммы денег на содержание его постоянного войска. После присоединения Эриванского ханства к России (1828 г.) Гуссейн-хан жил большею частью в Казвине, не играя никакой политической роли.

64. Каджары — одно из значительнейших поколений туркменского племени. Впервые в Персии появляются, когда их переселил Тимур-ленг. Здесь они на протяжении многих веков играли крупную политическую роль. Шах-Аббас I разделил их на три колена, из которых особенно окрепло третье, поселенное в Мазандаране, для удержания туркмен от набегов. Мазандаранские Каджары разделились на 2 рода: юхари (верхние), баши ашага (нижние), бат. Из верхнего рода вышел родоначальник династии Каджар (с 1785 г.) — Ага-Магомед-хан. Из этого же рода был и Гуссейн-хан.

65. Бейрам (байрам). Здесь подразумевается новруз-байрам — новый год — главный мусульманский праздник, бывающий в день весеннего равноденствия 22/23 марта, в отличие от других байрамов.

66. Адам Смитова система. Адам Смит (A. Smith) известный английский экономист и философ; автор труда „О богатстве народов" и др.

67. Шар (шариат) — ряд положений, встречаемых в Коране, что в совокупности составляет свод законов, которым

руководствуется мусульманское духовенство в судебном разбирательстве.

68. Хоромы (сардаря). Сардарский дворец расположен был на утесистом берегу р. Занги; выделялся среди всех зданий своею грандиозностью и роскошью внутренней отделки.

69. Ростом — (Рустем) — мифическая личность. Герой поэмы „Шах-Намэ“ — книга царей.

70. Мальколь м (J. Malcolm) — состоял при английской миссии в Персии; автор известного сочинения „The history of Persia“.

71. Мирза — звание, присваиваемое ученым (когда стоит перед именем; когда „мирза“ встречается в конце имени — это означает принадлежность лица к шахской фамилии).

72. Брат сардаря — Гассан хан; ему было поручено высшее руководство военной частью в Эриванском ханстве.

73. Кардамон — пряность.

74. Эчмядцинский монастырь — Эчмиадзинский монастырь находится в 17 кил. от Эривани, при городе Вагаршапате. Резиденция католикоса всех армян. Построен, по преданию, в 303 г. При монастыре, помимо дорогих священных предметов, особенной известностью пользуется знаменитая библиотека со своим рукописным отделом (до 7.000 экз.), музей и др.

75. Мангал — жаровня.

76. Последней осады русскими — в 1807 г., когда корпус генерала Гудовича блокировал долго крепость и пытался взять ее штурмом, но безуспешно.

77. Беглер-бег (Бегляр-бег) — генерал-губернатор — почетный титул, жалуемый высшим чиновникам в Персии.

78. Каймакам — правитель округа. В персидском Азербайджане эта должность имела наивысшее значение.

79. Комельк — в Эриванском ханстве должность эта соответствовала старшине.

80. Катаклаксус — повидимому, неправильно прочитанное слово.

81. Агач — см. прим.

82. Ежова Екатерина Ивановна, актриса императорских петербургских театров (1787-1835), даровитая исполнительница комических ролей, подруга жизни А. А. Шаховского. У нее собирались артисты и литераторы, в том числе и Грибоедов (Пиксанов Н. К.).

83. Амбургер, А. К. — назначен был одновременно с Грибоедовым на должность „канцелярского служителя“ при миссии, где продолжал служить до 1830 г. (год смерти).

84. Таврис (Тавриз) — главный город Азербайджанской провинции и резиденция наследника престола, каковым был тогда Аббас-Мирза. Большой промышленный центр, насчитывающий до 90.000 жителей. Как русская миссия, так и английская имели пребывание в Тавризе, т. к. всею внешней политикой страны ведал Аббас-Мирза.

85. Фетхалихан — Фет-Али-хан-беглярбег — военный губернатор г. Тавриза. Ближайший родственник Аббас-Мирзы. Сын Гедаст хана Решткого, убитого по повелению Шаха Ага Магомед-хана. Во время русско-персидской войны (1826-28) Фет-Али-хан находился в тайных сношениях с русским военным командованием.

86. Боится Каймакама. Каймакамом в Тавризе был тогда Мирза-Безюрк, пользовавшийся особенным доверием шаха и по значению своему являвшийся вторым лицом в государстве. Ему было поручено воспитание Аббас-Мирзы, на которого он имел неотразимое влияние. Отличался хитростью, а главное, непримиримою враждою к России (А. П. Берже).

87. Сир Роберт Портер — известный английский путешественник; автор книги Travels in Georgia, Armenia, ancient Babylonia ets... during the years 1817-1820.

88. Приезд шах-зады — шах-заде, — сын шаха, в данном случае Аббас-Мирза (1732 — 1833). Наследник персидского престола; Наиб-султан — так именовался он в русской официальной переписке. Аббас-Мирза ведал внешней политикой страны; ему же принадлежало высшее руководство армией во всех войнах. Генерал Ермолов, пребывая с посольством в Персии, вынес о нем следующее впечатление: „имеет простое и приятное обращение, весьма вежлив, не любит пышности и горд менее многих. Как наследник, имеет обширную власть, но делает из нее менее худое употребление, нежели другие. С молодыми летами — соединяет приятную наружность. Он принял всех с чрезвычайной вежливостью, с каждым говорил очень ласково". (Записки ген. Ермолова, ч. 2-я).

89. Уджан — селение по дороге в Тегеран.

90. В виду летний замок. Замок выстроен был Аббас-Мирзою „Персияне положение замка почитают прелестным; он довольно обширный и во вкусе азиятском, хорошо расположенный" (Из записок А. П. Ермолова о посольстве в Персию).

91. Приезд в Мяну (Миане) — город на большой дороге; отсюда начинается самая трудная часть пути — перевал через Кафланку.

92. Кизил-Агач — река.

93. Занган (Зенган, Зенджан) — город на пути в Тегеран.

94. Руины Султание. Султание — город с развалинами знаменитой мечети, построенной в середине XIII в. шахом Худа-Бенде (у Грибоедова — Кодабенде).

95. Абгар — речка и деревня.

96. Казбин (Кавзин)—областной город, древняя столица Персии, крупный торговый центр.

97. Раги мидийские — у мусульман назывался сперва „Раз“ или „Рази“ и „Рагер“ — развалины города Рей, лежат в 6—7 кил. к югу от Тегерача; о грандиозности этого города персы и сейчас рассказывают чудеса, будто в нем было несколько миллионов жителей, до десяти тысяч мельниц и т. п., и что он был будто бы расположен на нескольких квадратных милях. До самого последнего времени еще заметны следы развалившихся валов и водопроводных каналов и сохранилась башня, где видны остатки куфических надписей.

98. Тагирань (Тегеран, у Грибоедова часто Тейран) — столица Персии при Каджарах, которые старались придать Тегерану вид укрепленного города с крепостными земляными валами, вдоль которых вырыт был глубокий ров с перекинутыми через него 14 мостами (к воротам на валу). Большой торговый центр. До Тегерана столицей Персии был город Шираз, который к концу XVIII века потерял свое значение в торговом отношении. В Тегеране достопримечательностью и сейчас служат живописные городские ворота с башенками и колонками наверху, с цветными картинами, выложенными персидскими разноцветными изразцами, на что указывает Грибоедов.

99. Девамеид (Демавенд) — гора между южным Каспийским побережьем и Мазандараном; наиболее возвышенная из всех гор Персии, замечаемая в ясную погоду больше, чем на 250 кил. Пользуется в Персии всеобщей известностью. У местных жителей об этой горе сохранилось множество баснословных преданий.

100. Седеразам — первый министр, Мирза Шефи, которому в 1818 году было 80 лет. Занимал эту должность с начала правления Фет Али-Шаха. Вскоре после описываемых событий скончался.

101. Навруз (байрам) — праздник в первый день нового года. В этот день происходит салям (поклон) — торжественный прием у шаха, на котором присутствовал, как видно из дальнейшего описания, и Грибоедов (см. салям).

102. Бимбаши — военная должность.

103. Фальконеты — легкое артиллерийское оружие. В Персии перевозилось на верблюдах (замбурчи). Для стрельбы из фалькониста с верблюда, его заставляют лечь на землю. Эту артиллерию шах всегда берет при своих путешествиях для стрельбы во время празднеств.

104. Настоящий праздник — и до сего времени обставляется весьма торжественно. В одном из специально отведимых для селяма дворцов устраивался на террасе трон для шаха. В ожидании появления шаха, вокруг трона размещались самые приближенные к нему люди, при чем на площадке перед террасой располагался глава духовенства, облаченный в чалму и дорогой халат, в обязанность которого входило вести разговор с шахом. При появлении шаха начинала играть музыка, солдаты брали „на караул", а все собравшиеся низко кланялись. Шах медленным шагом поднимался по лесенке к трону и садился на него, поджав под себя ноги. Усевшись, шах поздравлял сначала собравшихся с праздником, а затем начинал громко расспрашивать главу духовенства об урожае, погоде, положении страны, на что получал ответы в пышных фразах, восхвалявших милости шаха. Такая беседа продолжалась минут 5—10, после чего шаху подавался кофе и „наргилле" (кальян), усыпанный драгоценными камнями. И пока он пил кофе и разыгрывал курение (на самом деле шах не курил), два поэта, одетые в пестрые чалмы и халаты, поочередно читали нараспев стихи, составленные ими в честь шаха. При каждом упоминании поэтами имени шаха все кланялись. На этом „селям" заканчивался, шах вставал, музыка снова гремела, происходила раздача денег, начинался парад войскам и шах уходил в свой дворец, где принимал поздравления от особо приглашаемых лиц.

105. Сорбеты (следует шербеты) — напиток.

106. Царь в богатом убранстве — т. е. шах Фет-Али (с 1797 по 1834 г.), в царствование которого Грибоедов служил и при котором погиб (1829 г.) в Персии. По свидетельству близких к нему лиц, Фет-Али совсем не занимался государственными делами и большую часть времени проводил в своем гареме, насчитывавшем свыше 300 жен.

707. Амлихово замечание. Амлих — слуга Грибоедова.

108. God save the king. — „Боже, спаси короля" — начальные слова английского гимна.

109. Как длинна борода царя. У персов длинная борода считалась признаком красоты и родовитости. Особенно отличался в этом отношении шах Фет-Али. В своих

„записках“ Ермолов, разбирая качество портретов шаха, предназначаемых в подарок, пишет: „Оба они написаны ужаснейшим образом и кажется Шах менее всего заботится о сходстве, но чтобы борода написана была длиннее обыкновенной и чтобы одежда была богатою. („Записки“ А. П. Ермолова, ч. II, стр. 47—48).

III. ПУТЕШЕСТВИЕ С ШАХОМ.

1819 г.

8-го июля целую ночь не сплю, изготовляемся в путь. Толпа женщин; раскрываются на последях. Прощальное посещение седер-азему. Он в холодке сидит во внутренних воротах, жалуется, что должен ехать по ночам с шахом, в его лета; упоминает об Румянцеве.[1] — Откланиваемся. — Остановка за вьюками. Отправляемся в самый полдневный жар. Безплодный вид Тегеранских окрестностей. Сады, как острова, уединенно зеленеются среди тощей равнины. Между гор Демавенд с снежным челом. Вдоль гор доходим до Кенда.[2] Тьма разнообразных дерев, черешень, шелковиц, орешников грецких, абрикосов и проч. Роскошествуем в свежей квартире под пологом, об'едаемся фруктами.

9-го встаем в глубокую полночь; ни зги не видать, смятение. Спускаемся с горы, камни хрустят, вода плещет под ногами. Мы все (едем) вдоль гор. К утру слышатся позвонки. Звезда. Небо проясняется. Выезжаем на большую дорогу. Тьма верблюдов, лошаков, коней. Уклоняемся в сторону. Завтракаем. Шах и всякие шах-зиды позади. „Откуда эти господа?“ — „Со страхом повергаюсь в прах перед Вашим Величеством“. „Усердие всегда водит вас истинным путем“. Залп в Сулейманге.[3] Моя встреча с дочерью хана в трахтараване.[4] — За Сулеймангой три деревни; самая последняя Сункур-Абид. На-силу доезжаем.

Высокой свесистый дуб, под ним помост. Тут мы располагаемся.

10-го ночью-же встаем, перед утром свежо и приятно. Я часто отдаляюсь от других и сажусь отдыхать возле воды, где тьма черепах. Поля кругом в хлебах; вообще вид обра-

ботанного и плодородного края. Несколько деревень. Наконец Сефир-Ходжа;[5] кругом аллея, где располагаюсь спать. Ветер ужасный и знойный. Укрываюсь в деревню.

11-го ночью жар и утром печет немилосердно, все с себя скидаю, скачу стремглав. Много колесил округ Касбина, срывал молодые фисташки. Наконец, на квартире тьма фруктов и отдых. Молитва хана на рассвете. Pittoresque.[6]

Июля 11-го. Видим шахов стан круг его дворца. Приезжаем, разбиваем наши палатки. Луна не показывается, нет бейрама.

Июля 12. Бейрам. Жар. Барабаны, трубы, дудочки, красное знамя, фальконетные залпы... но что делает эффект на параде, не всегда еще полезно в деле, в сражении. Внутренность палатки вся в коврах, а внешняя (сторона), так и полнвается. Касбин. Посылается Эйвас[7] к Хозров-Хану.[8]

— 13. Шахский дворец, как скотный двор, полуразрушенный. Сам он очень приветлив, только много томошится на своей подушке. Разговор о маскарадах, театрах и вообще о наших увеселениях. Шах дарит Государю Аббас-Мирзу.

— 14. Возле нашей палатки факир с утра до вечера кланяется к востоку и произносит: „Ей Али!“[9] и обратившись в другую сторону, — „„Имам-Риза“.[10] Поэт Фехт-Али-Хан,[11] лет около 60, кротость в обращении, приятность лица, тихий голос, любит рассказывать. Шах за одну оду положил ему горсть бриллиантов в рот.

— 15. Бунт в Реште,[12] осажденный Хозров-Ханом. Эйвас не возвращается, Абдул-Вагиб[13] посылается в Решт.

— 17. Шах с избранными из гарема от'езжает к прохладному роднику возле гор, где разбивает свой шатер и пользуется жизнию.

— 19. Юсуф-Хан-Спадар[14] делал учение с пальбою.

— 20. Шах его потребовал к себе.

— К чему была вчерашняя пальба?

— Для обучения войск Вашего Величества.

— Что она стоила?

— 2000 р. из моих собственных.

— Заплатить столько-же шаху за то, что палили без его спросу.

Утром мы едем за агач от орды, в горы, к югу. Вдоль ручья дикий сад. Ручей проведен водоскатами. Все это местечко включено между гор полукружием. Живописный вид в Султанейскую долину. На дороге три арки, — развалины моста. На возвратном пути между нами свистнула пуля по неосторожности персидского стрелка. Заезжаем в мечеть (остаток от древнего города); круглая, внутри стихи, между прочим: „да погубит Бог того, кто выдумал сарбазов, а особенно...“ (sic). Пословица о Каджарах.

— 25. Дожди беспрестанные; бумажные палатки протекают.

— 26. Приезд Аббас-Мирзы.

— 27. Вхожу на одну из дворцовых террас. Дальний вид Султанейского лагеря.

— 28. 10.000 отправляются к Багдату против Турков.[15]

Разговор с нагиб-султаном.[16] Его видимая преданность нашему государю.

Зарю играют; каждый вечер дудочкам, пищалкам и литаврам созвучала вестовая.

Мирза потерял значительную сумму. Нашли воров и деньги, которые шах себе взял.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Румянцев П. А. — известный военачальник Екатерининских времен, прославившийся своими победами над турками.

2. Кенд — местечко в окрестностях Тегерана.

3. Сулеймание (Сулеймание) — ближайшая к Тегерану остановка, по шоссе.

4. Тахтыреван — экипаж, на подобие большого сундука, с дверцами, окошечками по бокам, на двух толстых жердях с крючьями, которые прикрепляются к седлам мулов, так что два мула несут тахтараван как носилки.

5. Сефир-Ходжа — селение.

6. Pittoresque — живописный вид; в данном случае — красивое зрелище.

7. Эйвас — Эйваз-хан — командовал баталионом, расположенным в г. Хое.

8. Хозров-хану — Кайтмазов, уроженец г. Тифлиса, достигший в Персии, как евнух, больших почестей и богатств.

9. „Ей-Али!“ — возглас, обращаемый к Али — племяннику и зятю Магомета, которого шииты считают преемником Магомета и своим первым имамом.

10. „Имам-Риза“ — восьмой имам, пользовавшийся особым уважением у шиитов; был изменнически убит.

11. Поэт Фехт-Али-Хан, писавший стихи под псевдонимом Саба. Имел звание Мьялик-Уш-Шуари — главы придворных поэтов. Из его произведений наибольшею известностью пользуется эпическая поэма „Шахиншах-намэ“, посвященная царствованию Фет-Али-шаха.

12. Бунт в Реште. Решт — главный город провинции Гилянь. Это событие было вызвано непосильными поборами, что Грибоедов подробно поясняет в своей статье „О Гиляне“.

13. Абдул-Вагиб — мирза Абдул-Вехаб Исфахани, по прозванию Ншат; пользовался особым уважением шаха, занимая должность государственного секретаря. В персидской литературе ему отводится почетное место.

14. Юсуф-Хан-Спадар (следует Спахдар) — начальник артиллерии в персидской армии. Уроженец Тифлиса, по фамилии Гелоянц.

15. 10.000 отправляются к Багдату против турков, — с ними Персия вскоре вступила в войну.

16. Нагиб-султан — наиб-сальтанэ — заместитель шаха, — титул присвоенный наследнику престола Абасс-Мирзе.

IV. РАССКАЗ ВАГИНА.[1]

20 августа.

Шах меня подарил Гаджи-Мирзе-Магмед-Агвари. В их Бога он не веровал, и в какого веровал, неизвестно; все ворожил; бывало запрется у себя, сделает вощеного человека, произносит над ним что, и перерубит надвое, туловище в одну сторону, а исподнюю часть в другую. Так он в 40 дней доставил голову Цицианова.[2] Шах ему писал неправду, что повоевал Россию, а мой хозяин ему отписал, что, коли так, иди, возьми Тифлис; шах рассердился, хотел его порубить, а он, узнавши это, бежал с сыном, с женою и со всем домом, и я с ним, в Багдат. Там владел Гассад-паша. Мой хозяин ему несколько раз предлагал шахскую и Магмед-Али-Мирзы[3] голову, коли они на него пойдут войною. Шах по нем посла послал, его не выдали. Другой на место Гассад-паши был назначен из Царьграда, Давуд-Эффенди[4] и подступил к Багдату. Мой хозяин поднял такой ветер в его лагере, что свету божьего не видать, и качал несколько дней верблюжью голову; потом верблюжьи, лошачьи, собачьи головы зарывали возле Давудова лагеря, ночью. Этих людей поймали. Давуд-Эффенди спросил: по чьему приказанию? кто у вас ворожит? Ему отвечали: Гаджи-Мирза etc. Потом мой хозяин назначает, в который день еще вихрю подняться и ставке Давуд-Эффендия на-двое разорваться. Так и вышло, и все его войско побежало. Наконец Давуд-Эффенди с помощью М. А. М. (Магмед-Али-Мирзы) снять воротился к Багдату. Несколькие в городе узнали, что он при себе ферман[5] имеет владеть ему в Багдате, и без драки отворили ворота. Гассад-пашу казнили и моего хозяина с сыном, дом — разграбили и после разломали. Несметное множество народу собралось и

всяких степных Арабов, когда кувшин с нефтью принесли к деревянным воротам дома, чтобы их поджечь, ни капли не нашли, из... его искры посыпались...

Вали Курдистанский;[6] молитвы Фетали-Шаха. В деспотическом правлении старшие всех подлее...

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Вагин — русский военнопленный, поступивший в персидское войско.

2. Цицианов П. Г. — главноуправляющий Кавказским краем. В 1806 году он вступил в переговоры с Бакинским ханом и предложил ему добровольно сдать Баку. Во время этих переговоров Цицианов изменнически был убит и голова его была доставлена в Тегеран шаху, который тогда воевал с Россией.

3. Мегмед-Али-Мирза — старший сын шаха; не имел прав на наследование престола, так как его мать была простого происхождения.

4. Давуд-Эффенди — Давид-паша — уроженец Кавказа, про которого Грибоедов писал: „Давид-паша три года тому назад прислал своего поверенного в Грузию, чтобы позволено было его матери прибыть к нему в Багдад. Но она, крепостная князей Орбелиановых, решительно отказалась от путешествия в мусульманскую землю“... (Полное собрание сочинений Грибоедова, т. III. под ред. Н. К. Пиксанова, стр. 112).

5. Ферман — указ, грамота.

6. Вали Курдистанский — Аманнула-хан. Один из крупнейших персидских феодалов, с титулом Вали — наместник. Имел пребывание в городе Синнэ.

V. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ТАВРИЗ.

...17 (августа). Жар в саду. Амлих плечо сжег. Мианские ковры, клопы. Хан с сарбазами, который к нам ушел. Отправляемся перед закатом солнца. Груды утесов, река Миана-чай излучисто пересекает тесные ущелья; разные формы камней, особливо при месячном свете; спуски, всходы, один спуск ближе к Тюркменчаю,[1] прекрутой.

18. Ночью приезжаем к Тюркменчаю; не сплю; вьюк потерян. Походный декламатор. Тьма куропаток. В 4 часа пополудни отправляемся. Тьма куропаток; гористач дорога, снопы, арбузы с приветствием от жнецов и собирателей. Спуски, всходы, 2 каравансарая; прежние разбои, ныне безопасно.

19. Под вечер в Уджанах,[2] в палатках, в виду дворец.

20. По утру едем во дворец, — двукровный, весь открытый, по персидскому зодчеству; обсажен ветлами, между которыми трилиственник. Эриванское сражение, смотр войскам. Русские головы, как маковые, летят. В другой комнате красавицы, Азиатки и Мадамы; принадлежности — собачка, куропатка, утка.

22. Ханский сынок умница. Песчаная, каменистая и холмистая дорога. Встреча. Таврис. Ханский певец. Ханский мирза.

23. Хлопоты за пленных.[3] Бешенство и печаль.

24. Idem. Подметные письма. Голову мою положу за несчастных соотечественников. Мое положение. Два пути, куда Бог поведет... Верещагин[4] и шах-зида Ширазский.[5] По утру тысячу туман[6] чрезвычайной подати... забит до смерти, 4-м человекам руки переломали, 60 захватили. Резанные уши и батоги при мне.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Тюркменчай — местечко вдоль шоссе Тавриз-Тегеран. Получило историческую известность, — здесь в 1828 году был заключен мир между Персией и Россией.

2. В Уджанах... дворец. Подробное описание этого дворца, служившего летней резиденцией Аббас-Мирзы, встречаем в „Записках" Ермолова, на которого замок не произвел „ни малейшего развлечения". Лишь „в самой большой комнате выставлены две картины, из коих первая картина изображает победу, одержанную над российскими войсками; тут русские обращены в бегство..., со стороны русских одно орудие, около которого спасаются рассеянные. Я спросил сопровождавших меня персиян, какое картина представляет сражение? Мне сказано, что картина представляет разбитие баталиона Троицкого пехотного полка. Я замолчал против правды... Другая картина изображает Аббас-Мирзу, представляющего шаху регулярные свои войска и артиллерию"...

3. Хлопоты за пленных. За время целого ряда войн, которые Персия вела сперва с Грузией, а потом с Россией, ею было захвачено большое количество пленных, большею частью жителей пограничных провинций, которые отправлялись в Персию и там продавались. Несмотря на настойчивые требования русских властей о выдаче пленных, вопрос этот не продвигался, так как хозяева пленных прибегали ко всякого рода ухищрениям, чтобы не возвращать их на родину.

4. Верещагин — будучи в чине прапорщика Троицкого пехотного полка, попал к персам в плен в 1804 году, где и оскоплен; все время пребывал там, служа в персидской армии.

5. Шах-зида Ширазский (Шах-заде) — один из сыновей шаха.

7. Туман — персидская монета, около 4 рублей серебром.

VI. БЕСЕДА С АББАС-МИРЗОЮ.

30-е августа, 1819 г.

Во второй раз привожу солдат к шах-зиде[1], он их берет на исповедь по одиночке, подкупает, не имеет ни в чем успеха и бесится.

Наиб-султан. Зачем вы не делаете, как другие чиновники русские, которые сюда приезжали? Они мне просто об'являли свои порученности.

Я. Мы поступаем по трактату[2], и от того его вам не об'являем, что вы лучше нас должны его знать: он подписан вашим родителем.

Н.-с. Если Мазаровичь будет так продолжать, поезжайте в Тейрань.

Я. Мы не по доброй воле в Таврисе, а по вашему приказанию.

Н.-с. Видите ли этот водоем? Он полон и ущерб ему не велик, если разольют из него несколько капель. Так и мои русские для России.

Я. Но если-бы эти капли могли желать возвратиться в бассейн, за чем им мешать?

Н.-с. Я не мешаю русским возвратиться в отечество.

Я. Я это очень вижу; между тем их запирают, мучат, до нас не допускают.

Н.-с. Что им у вас делать? Пусть мне скажут, и я желающих возвращу вам.

Я. Может-быть В. В. так чувствуете, но ваши окружающие совсем иначе; они и тех, которые уже у нас во-власти, снова приманивают в свои сети, обещают золото, подкидывают письма.

Н.-с. Неправда; вы бунтуете мой народ, а у меня все поступают порядочно.

Я. Угодно Вашему Высочеству видеть? Я подметные письма ваших чиновников имею при себе.

Н.-с. Это не тайна; это было сделано по моему приказанию.

Я. Очень жаль. Я думал, что так было делано без вашего ведения. Впрочем, Вы нами недовольны за нашу неправду: где, какая, в чем она? Удостойте об'явить.

Н.-с. Вы даете деньги, нашептываете всякие небылицы.

Я. Спросите, дали-ли мы хоть червонец этим людям; нашептывать-же им ни под каким видом не можем, потому-что во всех переулках, примыкающих к нашим квартирам, расставлены караулы, которые нас в закерти содержат и не только нашептывать, но и громко ни с кем не дают говорить.

Н.-с. Зачем вы не делаете, как Англичане? Они тихи, смирны. Я ими очень доволен.

Я. Англичане нам не пример и никто не пример. Поверенный в делах желает действовать так, чтобы вы были им довольны, но главное, чтобы быть правым перед нашим законным Государем Императором. Однако, В. В., позвольте мне подойти к солдатам, чтобы я слышал, как ваши чиновники их распрашивают.

Н.-с. Мои чиновники дело делают и вам до них нужды нет.

Я. Я имею большое подозрение, что они свое дело делают не чисто, как обыкновенно. Они, когда были от вас посланы в нашем присутствии распрашивать русских об их желании, только-что проповедывали им разврат, девками и пьянством их обольщали; когда-же мы подошли, то убежали со стыдом. Между тем нам не позволено было ехать на мейдан и отобрать просящихся идти в отечество. Потом, когда вы велели, чтобы я своих людей привел сюда и чтобы прочих солдат привели из баталиона, которые по выходе из моей квартиры были захвачены, я сделал вам в угодность, своих привел третьего дня, их тщательно распрашивали, никто из них обратно не перешел к вам; но людей, которых имена у меня записаны, которые об'явили мне свое желание быть посланными в Россию, которые были захвачены и вы приказали их мне

представить на лице, мне их вовсе не показали. Ныне я опять пришел согласно с вашею волею; вот — мои люди, а прочих, мною требуемых, нет. Притом-же ваши четыре чиновника по одиночке каждого из солдат, что я привел, берут на-сторону, уговаривают, и Бог-знаст как уговаривают, а мне вы даже не позволяете быть к ним ближе.

Пришли доложить, что из 70-ти человек, мною приведенных, один только снова перешел на службу к Его Высочеству, но и этот ушел от них, бросился ко мне в ноги, просил, чтобы я его в куски изрубил, что он обезпамятовал, сам не знаст, как его отсунули от своих и проч.

Шах-зада поручал солдатам служить вперед верою и правдою и их Государю, также, как они ему служили, между тем мне давал наставления о будущем их благе, чтобы им в России хорошо было.

Я. Я буду иметь честь донести Вашему Высочеству о поступлении с ними нашим правительством, когда, отведя их в Тифлис, ворочусь сюда. Между тем чрезвычайно приятно видеть, как Вы, Наиб-Султан, об их участи заботитесь. Ваше Высочество, конечно, не знасте, что их уже за давнее время не удовольствовали жалованьем в вашей службе и, верно, прикажете выдать столько, сколько им следует.

Наиб-Султан. Нет, нет, нет. За что это? Если-бы они меня не покидали, продолжали-бы мне служить, это-бы разница.

Я. Я думал, что за прошедшую службу их Ваше Высочество не захотите их лишить платы.

Н.-с. Пусть Мазаровичь дает, они теперь его.

Я. Да у него в руках будущая их участь. Впрочем, и за прошлое время, коли вы отказываетесь, Поверенный в делах этот долг ваш им заплатит. Ожидаю от Вашего Высочества, что сдержите ваше слово и велите привести сюда прочих, желающих с товарищами идти в родину, тех, об которых я имел честь подать вам список.

Тут он позвал нашего беглеца С** М**ъ я не вытерпел и об'явил, что не только стыдно должно-бы быть иметь этого

шельму между своими окружающими, но еще стыднее показывать его благородному русскому офицеру и что-бы Наиб-Султан сказал, кабы Государь прислал с ним трактовать беглого из Персии армянина? — „Он мой ньюкер“[4]. — „Хоть будь он Вашим генералом, для меня от подлец, каналья и я не должен его видеть“. — Тут он рассердился, зачал мне говорить всякий вздор, я ему вдвое, он не захотел иметь больше со мною дела — и мы расстались.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. **Привожу солдат к шах-зиде.** За время прежних войн Россия с Персией, иногда целые отряды русских войск дезертировали, вследствие невыносимых условий военной службы. Из этих частей персы формировали особые отряды, куда охотно вступали и военнопленные. Командовал этим сборным войском Самсон Макинцев, бывший вахмистр драгунского полка. В намерение Грибоедова входило вывести этих солдат из Персии. Некоторых из них он уговорил возвратиться на родину, пообещав им прощение, и набрав среди них человек 150, лично выступил с ними походом в Тифлис.

2. **Поступаем по трактату**—Гюлистанскому (1813 г.), по которому прекращалась война России с Персией.

3. **Беглец С.*** М.***** — Самсон Макинцев, более известный под именем Самсон-хана. Со своим отрядом он принимал участие во всех военных экспедициях, предпринимаемых персидским правительством, где зарекомендовал себя как талантливый и храбрый военноначальник. Интересные подробности о нем сообщает А. Берхе: „С. Я. Макинцев и русские беглецы в Персии“ (Журнал „Русская Старина“ 1876 г. т. IV, стр. 770—804).

4. **Ньюкер (нукер) — слуга, телохранитель.**

VII. ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ТАВРИЗА В ТИФЛИС.

4-го сентября, 1819 г.

По многим хлопотам выступление.

5-го сентября.

Ночь, поустаю (поотстаю?), днем нахожу своих. Бронзовый больной. Дыни, хлопчатая бумага. Возле Софиян[1] у мельницы водопад, холодок, кусты, маленький вал, завтракаем. Идем в ущелья, соляные воды и горы. Взбираемся на высочайшую гору, крутую; узкая тропинка между камнями. Вид оттудова. Вышли в 2 полуночи, пришли в Маранд[2] в 7 пополудни. Виноградная беседка.

6-го сентября.

Днюем в Маранде. Назаров, его положение. Известие о милостях государя к Маман-Хану[3]. Шум, брань, деньги. Отправляемся; камнями в нас швыряют, трех человек зашибли! Песни: „Как за реченькой слободушка“, „В поле дороженька“, „Солдатская душечка, задушевный друг“. Воспоминания. Невольно слезы накатились на глаза...

„Певались-ли вы в батальоне?“ — „Какие ваше благородие, песни? Бывало, пьяные без голоса, трезвые об России тужат“. — Сказка о Василье-царевиче, — шелковые повода, конь золотогривый, золотохвостый, золотая сбруя, золотые кисти по земле волочатся, сам богатырь с молодецким посвистом, с богатырским покриком, в вицмундире, с двумя кавалериями, генерал — стряпчий, пироги собирает, и проч. и проч. „Слышал, сказывает — кто?“ „Так сказывает Скворцов, что в книжке не сложится, человек письмянный“.

Успокоение у разрушенного каравансарая; оттудова равниной идем до ущелья; земля везде оголилась; потом сквозь

ущелье, трещины, расседины. Водопроводы с шумом извергаются из ущельев. Около горы сворачиваем вправо до Гаргар.

Разнообразные группы моего племени, я Авраам.

Выступили из Маранда в $8^1/_2$ часов вечера, в караван-сарае 4 часа утра; оттудова в 7-м часу, в 11 часов в Гаргарах.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Софиян — селение по дороге между Тавризом и Марандом.

2. Маранд — город провинции Адербайджана, лежащий на пути между Тавризом и Нахичеванью.

3. **Известие о милостях государя к Маман-Хану.** Мамед-хан Марандский при проезде Ермолова в 1817 году с посольством через Маранд, оказал ему всяческое уважение, за что вскоре он получил от русского правительства награду. Впоследствии, в русско-персидскую войну 1826 — 8 г. Мамед-хан всячески помогал русским, вследствие чего по заключении мира принужден был покинуть Маранд. Несмотря на это ему не было предоставлено в русских владениях свободного земельного участка, чем возмущался Грибоедов (письмо к Паскевичу от 1 октября 1828 года). После письма Грибоедова к Паскевичу Мамед-хану была отведена земельная площадь „для водворения с 50 семействами" (предложение Главноуправляющего в Грузии от 14 декабря № 3539) и хан с подвластными ему семействами поселился в д. Норашен Шарурского магала (из „дел" Ц. Архива Армении).

VIII. АНАНУРСКИЙ КАРАНТИН.

29-го ноября, 1819 г.

Вползываем в странноприимную хату, где действительно очень странно принимают. Холод, спрашиваем дров. Нет, а кругом лес. У ветхого инвалида покупаем дорого охапку. Затапливаем, от дыму задыхаемся. Истопили, угар смертельный и морозно по прежнему. Спрашиваем корму для себя и для лошадей, — ничего с'естного. Наконец, является маленький, глупенький доктор, с хлыстиком, вертится на одной ножке и об'являет, что мы в „политическом госпитале" (в мефитическом: от сырости запах претяжелый), что нашу комнату иногда заливает вода по колено, что срок сиденья зависит от комиссара. Докторишка исчез, и я от угара проболел 24 часа. Явился коммисар, как смерть курносый.

— „Спасите. Карантин ваш очень мудро устроен, — чтобы чумы далее не пропускать: потому что она с теми, которых постигнет здесь, непременно похоронится, потому что от холоду смерть, от дыму смерть, от угару смерть (да и сам коммисар, как смерть курносый, — мы его, наконец, видели), но Беб.[2] и я не чумные, не прикажите морить"...

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Срок сидения зависит от комиссара. Граф Сюзане, путешествовавший тогда же по Кавказу, по этому поводу рассказывает: „Мы прибыли в карантин гор. Гумри (сейчас Ленинакан), где с нас потребовали всю нашу одежду, которую выкуривали в продолжение 24 часов, а нам дали взамен — госпитальную. Продолжительность пребывания в карантине не зависит ни от какого правила: мой попутчик по путешествию с Эрзерума, полковник русской службы, был осво-

бождел от пребывания в карантине, согласно распоряжения наместника; он находился всего 24 часа, а с меня потребовали оставаться там 28 дней, — хотя опасность чумы нам одинаково угрожала (Souvenirs de Voyages. Les provinces du Caucase par Suzanet. Paris).

2. Беб. (Бебутов Д. О.) — офицер драгунского полка, уроженец города Тифлиса, куда он ехал с места своей службы (г. Гірилуки). Задержавшись в г. Моздоке, откуда начиналась тогда Военно-Грузинская дорога, Бебутов познакомился здесь с Грибоедовым, возвращавшимся из крепости Грозной. „От Моздока до Тифлиса, — пишет Бебутов, — мы ехали вместе и коротко познакомились. Он мне читал много своих стихов, в том числе и из „Горе от ума", которое тогда у него еще было в проекте... Я полюбил его всею душою и по прибытии в Тифлис предложил ему остановиться у нас"... (Записки кн. Д. О. Бебутова. Кавказский Сборник, т. XXIII, стр. 51).

IX. ДНЕВНИК ВОЗВРАТНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ В ПЕРСИЮ.

1820 г.

10 Января. Сады, влево Кура. Едем по склону горы, влево крепость Саганлук; поворачиваем вправо, коий гор остается к северу. К югу Меднозаводская гора[1] и хребет. Озеро[2]. От Код[3], Квеши[4] на возвышении. Перед этим развалины на утесе, который как-будто руками человеков сложен из различных камней.

12-го. Через гору в Гергер[5]. Казармы. Оттудова высочайший Безобдал[6]...

17-го. В монастыре (Эчмиадзинском) хорошая гостиница, услуга. Бедственное положение патриарха[7].

18 января, понедельник. Осматриваю монастырь. Рука св. Георгия[8], копье[9], кусок от Креста[10]. Место, - 4 столпа мраморные, — где было сошествие Христа по преставлении[11], тому назад 1500 лет. Ризница скрыта[12]. Ковры. Типография на 3 станка[13]. Патриарх ветхий, сетует о судьбе погибших монетчиков в Царьграде[14]. Сам поплачивается за русских приезжих.

До Эривани 12 верст. Летняя беседка с витыми галлереями в три этажа. Сам сардарь на балконе. Вода на улицах[15]. Ad mem Mehmour.

Патриаршее сравнение: Эчмиадзин как роза между терниями. Портрет Шахов гравирован в Париже.

19. Вода ночью замерзла в комнате. Отправляюсь. Арарат вправе, как преогромный белый шатер. Много деревень, садов, речек. Маленькое ущелье Давалу[16].

22. Медление в Нахичевани. Армяне живут хуже татар, — окно для света и дыму, без камина. Мирза Мамиш[17], персидская лесть. Чем к ней кто доступнее, тем ее покрывало более редеет.

Фезраль. От Гаргар к юго-западу, влево, через ущелье, занесенное снегом. Выехавши на широту — равнина до караван-сарая. — По пригоркам до Маранда. Маранд виднеется на высоте за три агача. — Из Маранда в горы под'ем трудный. От карьвансарая спуск до Софиянки, ровно до Тавриза; влево и вправо делятся горы.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Медноза водская гора—Ляльвар в Борчалинском районе.

2. Озеро—Кумиси, недалеко от Тифлиса.

3. Коды—селение Тифлисского района. Здесь сходятся два тракта.

4. Квеши—селение в Борчалинском районе, резиденция кн. Орбелиани. До сих пор там сохранился их средневековый замок.

5. Гергеры—селение в Борчалинском районе Стоянка воинских частей и карантина в те времена.

6. Высочайший Безобдал—гора. Через Безобдальский хребет существует перевал (высота 2528 метр.), представляющий очень тяжелый путь.

7. Бедственное положение патриарха. Патриархом тогда был Давид, против которого вел ожесточенную борьбу претендент на его место епископ Даниил, под конец победивший и занявший (в 1882 г.) его место.

8. Рука св. Георгия (следует Григория)—при котором армяне в IV. в. приняли христианство.

9. Копье—которым по преданию прободен был бок Христа.

10. Кусок от Креста,—на котором, по преданию, был распят Христос.

11. 4 столпа, где было сошествие Христа. В честь этого события, как передается в предании, на этом самом месте был сооружен храм, получивший название „Эчмиадзин", что в переводе означает сошел единородный.

12. Ризница скрыта. Здесь хранилась среди других вещей митра, украшенная превосходным, редким по достоинству и величине изумрудом. По свидетельству А. М. Фадеева и позднее А. П. Берже, жена главноуправляющего Кавказа барона Розена (в 30-х годах) „пленившись митрой, обра-

лась с просьбой к Эчмиадзинской администрации отложить ее на короткое время митру, чтобы снять с нее точный рисунок; не смея противиться предержащей власти, они отправили с избранной депутацией свою драгоценность в Тифлис. Присезывание продолжалось долго, однако, окончилось и митра возвращена в Эчмиадзин; только вместо дорогого изумруда оказалось самое обыкновенное дешевое зеленое стекло... Эта интересная история в свое время наделала много шуму и тем скончилась". (Воспоминания А. М. Фадеева. „Русский Архив" 1881 г. т. III, стр. 146).

13. Типографии на 3 станка устроены были впервые в Эчмиадзине в 1771 году, получив оборудование из заграницы. Тогда же была устроена там же бумажная фабрика. Руководство типографией и фабрикой было поручено иностранным мастерам.

14. Сетует о судьбе погибших монетчиков в Царьграде. В конце XVIII в. тогдашним католикосом Симеоном были рекомендованы грузинскому царю Ираклию II искусные мастера из армян, работающие в типографиях и на монетном дворе в Константинополе, которые, по прибытии в Тифлис, приступили к работам. С некоторыми из них, отправленными вновь в Константинополь (Царьград) за материалами, случилось несчастье, о чем сообщает здесь Грибоедов.

15. Вода на улицах. И сейчас в Эривани по многим улицам протекает по канавкам вода, орошающая сады, разбросанные в большом количестве по городу.

16. Ущелье Девалу — в Нахичеванском районе.

17. Мирза Мамиш (Мирза Мямиш) — служащий в епархии в Нахичевани, к услугам кого Грибоедову приходилось неоднократно прибегать.

X. ЭРИВАНСКИЙ ПОХОД.

1827 г.

12 Мая. Четверток. Прибытие Секретаря из К[арса]. Новости от Бенкендорфа[1]. Нахичеванцев переселяют. В виду у нас вход в пустыни знойные и бесплодные. Выезжаем из Тифлиса. Вознесенье. В Сейд-Абадс[2] многолюдно и весело. Толпа музыкантов на дереве, при проезде генерала гремят в бубны. Обогнув последнюю оконечность мыса, вид к югу туманного Акзибюка[3]; вершина его поливается дождем. По дороге запоздалый инженерный инструмент и сломанные арбы с дробями искусственного моста, разметанные по дороге, производят на генерала дурное впечатление. Минуем Коди[4], верстах в двух от большой дороги сворачиваем в Серван,[5] вдали лагерь у Храма.[6] Услужливость мусульман. Речь муллы.

13. Пятница. По утру прибыли к Храму. Быстрота чрезвычайная, новое направление реки, мост снесен. Ночью Шулаверы,[7] живописные ставки в садах. Казак линейский по-чеченски шашкою огонь вырубает и всегда наперед скажет, какой конь будет убит в сражении.

14. Суббота. Драгунский полк проходит. Лошади навьючены продовольствием и фуражем; люди пешие.

15. Воскресенье. Ущелье вверх по Шулаверке[8] чрезвычайно похоже на Салгирскую долину[9]. Лесистые, разнообразные горы; позади всего высовывается Лалавер[10] [Медно-заводская гора], как Чатыр-даг[11] с каменистым, обнаженным челом.

Лагерь на приятном месте. *Бабий мост*[12]. 4 версты от Самийского погоста[13], где расширение вида необыкновенно приятное. Генерал делается опасно болен. Безпокойная ночь.

16. Понедельник. Вверх поднимаемся по ужасной, скверной, грязной дороге. Теснина иногда расширяется; вид с Ак-

зибелюка обратно в Самийскую долину, на Кавказ и проч. Климат русский, волчьи ворота[14]. Пишу на лугу и, забывшись, не чувствую сырости, похожей как на Крестовском острову[15], покудова черила не размылись по отсыревшей бумаге и сам я промок до костей. Ночую с генералом; он все болен. Тут и доктор, и блохи.

17. Дневка.

18. В 4 часа меня будят; тащат с меня халат; сырость, холод, Лапландия, все больны. Еду вперед по верховой дороге; несколько руин справа и слева и селения. Крутой спуск в овраг каменной речки[16]. Вся помпа воинственная, с которой ожидают прибытия главнокомандующего.

19, 20. Дневка, Карапапахцы[17] поселились на турецкой границе, перехватывают и режут наших посланных. Как бы их оттудова вытеснить? Заботы о транспортах.

21. Там же. Принятие турецкого посланца с музыкою. Толст, глуп и важен.

22. Там-же. Чем свет сажусь на жеребца, который ужасно упрямится. Пускаюсь к развалинам Лори[18] в 3-х верстах от лагеря. Деревня, беру проводника. Слезаю в овраг каменистый и крутобрегий. где протекает Тебеде[19] с шумом, с ревом и с пеной. Чистый водопад дробится о камни справа. Смелая арка из крупного, тесаного камня через него перекинута. Развалина другого моста через Тебеде. Стены и бойницы в несколько ярусов по противулежащему утесу; вползаю через малое отверстие в широкую зубчатую башню, где был водоем; вероятно вода под землю была проведена из реки. Тут с в. вытекает другая речка и в виду по сему новому ущелью водопад крутит пену, как-будто млечный проток. Из тайника крутая и узкая стежка вьется над пропастью. Духом взбираюсь вверх. Развалины двух церквей, бань, замка с бойницами, к *: оттудова ворота, много резной работы; вообще положение развалин род Трапезонда. К югу два мыса над Тебедою, к з. бок над нею же, к в. над другою речкою, к с. замок и ров оборонял его от нападений с луговой плоскости. Прежде здесь царствовала сильная династия Таи[20], от 8 до 12-го столетия, храбрые, ум-

ные цари много обращались с Византийцами, от которых заняли зодчество и другие искусства.

Ныне на развалинах в недавнем времени поселились бамбакские выходцы в малом количестве...

— Письмо Игрулехана. *Лишение надежды есть тоже покой*. Просьба, адрес поздравительный Карабахцев. *Роза разцвела в роще, с ее появлением все цветы получили новую жизнь*.

От'езд турецкого посланца.—Приезд Обрескова[21]. Полная ночь. — Поход.

Июнь 1. Середа. В Гергеры, вдоль Тебеде. Налево руины Лори. Попы армянские на дороге в ризах подносят Бога главнокомандующему, который его от них как рапорт принимает.

К востоку синеются дальние горы; один конус похож на Тепе-Кермен[22].

Приходим к лесистой подошве Безобдала; мой шатер над ручьем, приятное журчание.

2-го. Дневка. Обскакиваю окрестности. Поднимаюсь на верх горы над лагерем. Ароматический воздух лесной и луговой. Теряю лошадь.

3-го. Под'ем на Безобдал. Трудность обозам. Я боковой стежкой дохожу до самого верха, где ветер порывистый. Спуск грязный на Кишлаки[23]. Гвардейский лагерь прелестен.

Палатка Аббас-Кула[24] над рекою. Заглохшие тропы к опустелым саклям.

Ночью от блох житья нет; в дождь ложусь на дворе.

4-го. Приезд грузинского ополчения. Свалка на дороге[25]. Пещеры. Мавзолей Монтрезора[26]. Дурной лагерь в Амамлах[27].

5-го. Воскресенье. Вдоль южной цепи гор переваливаемся через Памву[28]. Вид Бамбахской долины[29] в роде котловины.— Прекрасное лагерное место. Алагез в ю.-з.[30].

Иду на пикет казачий. Табуны. Боюсь за них.

6-го. Завтрак у Раевского[31]. Лагерное место у руины церкви в Судогенте[32].

Алагез к з. Гром, убита лошадь. Арарат открывается.

7-10. Алагез к с.-в. Хорошо до привала. До-сих-пор в полдень жар несносный, ночью холод жестокий. Кормы тучные.

Артемий Араратский[33].

С пригорка вид на обширную и прелестную долину Аракса[34]: Арарат безподобен. Множество селений.

С привала места, сожженные солнцем. Лагерь за вереду от деревни Аштарак. Скорпионы, фаланги. Купол Арарата.

Прелестное селение Аштараки[35], мост в три яруса на трех арках, под них река Абаренъ дробится о камни. Сады, город. Селение принадлежит матери Хосро-Хана[36]. Жара.

Ночью головы сняты с двух людей, солдат и маркитанта.

8-10. Приезд в Эчмядзин. Клир, духовное торжество. Главнокомандующий встречен с колокольным звоном.

Разбиваю палатку между двух деревьев; цветы, водопроводы. Большой обед у Архиерея.

Гассан-хан[37] враг монастыря. Багдадский паша принял к себе жителей.

Султан Шадимский[38] на нашей стороне и его 4 племени. Мехти-Кули-Хан[39] перешел к нам с 3000 семействами.

9-10. Четверг. Поездка в лагерь под Эриванью. После обеда генерал ходит рекогносцировать крепость. Где только завидят белые шапки, туда и целят. Шадимский султан и ему подвластные народы нам сдались.

В четверг известие о замысле Гассан-хана с 3000 Кутаи и Карапапахами напасть на наши транспорты. Вечером гвардия отправляется в экспедицию; радость молодежи.

Вальховский[40] с колокольни видит пыль вдали.

10-е. Пятница. 11-е. Суббота. Приезд посланного от Аббас-Мирзы.

12-е. Воскресенье. У обедни в монастыре. Под вечером едем к Эривани. Арарат безоблачный возвышается до синевы во всей красе.

Ночь звездная на Гераклеевой горе[41]. Генерал сходит в траншею. Выстрелы. Перепалка. Освещение крепости фальшфейером.

13-е. Из Эривани скачу обратно в Эчмядзин. Арарат опять прекрасен. Жар под Эриванью, в Эчмядзине прохладно

С этого дня жары от 43 до 45°; в тени 37°. В 5-м часу поднимается регулярно ветер и пыль и продолжается до глубокой ночи.

18-е. Кто хочет истинно быть другом людей, должен сократить свои связи, как Адриан[42] вырезал границы Римской Империи, чтобы охранить их.

Вот задачи моей жизни в главной квартире.

C'est encore une folie de vouloir étudier le monde en simple spectateur. Celui qui ne prétend qu'observer, n'observe rien, parcequ'étant inutile dans les affaires et importun dans les plaisirs, il n'est admis nulle part. On ne voit agir les autres, qu'autant qu'on agit soi-même. Dans l'école du monde, comme dans celle de l'amour: Il faut commencer par pratiquer ce qu'on veut apprendre*.

Поэтический ветер в галерее Эчмиадзинской. В окна светит луна; Архиерей как тень бродит. Известие о вырезанных лорийских жителях с 150 арбами транспортными, которые ушли не сказавшись.

19-е. В Эривань. Переправа через Зангу. Обед у Красовского[43], спор генералов о бреше. Посылают Кольбелей-султана[44], чтобы способствовал Курганову[45] к выгону скота.

Каменисто, сыро, вечером ужасные ветер и пыль.

Лагерь на Гарныче, тону в реке. Ночлег у Раевского. André Chénier.

20. Дневка. Являются с покорностью племянник и сын Велиаги. Вечером переносим лагерь на противуположный берег реки. Степь ожила при свете огней. Месяц. Арарат. Ущелье Гарнычая.

Курганов, ложное о нем известие. Сакен[46] в моей палатке.

21. Поутру известия опровергаются. Обработанный край; куда не кинешь глазом, все деревни; яркая зелень у подошвы

* Вот еще нелепость — изучать свет в качестве простого зрителя. Тот, кто хочет только наблюдать — ничего не наблюдает, т. к. будучи бесполезным в делах и обременительным в развлечениях, он никуда не имеет доступа. Наблюдать деятельность других можно не иначе, как участвуя лично в делах — одинаково в изучении света или любви. Нужно самому упражняться в том, что хочешь изучить.

вечных снегов Арарата. Лагерь на Веднае[47], куда выгнан скот. Являются Аслан-Султан и другие. Курганов со скотом. Карапапахцы.

Чудесная ночь. Известие о неприятеле за Араксом.

22. Идем через Девалу[50]. Два аиста на мечете стерегут опустелую деревню. Край безводный. Деревень не видать. Привал без воды. Генерал по слуху о неприятеле отправляется в авангард. Прокламация Садакцам и Миллинцам[51]. Садараки[52] прекрасный ночлег.

23. Проходим версты 4 в малое ущелье, как ворота Шарурских гор. Прекрасная открывается обработанная страна; множество деревень и садов; хлеба поспели, некому снимать. Но осенью вид всего этого прескверный. Я бывал в сентябре,— все сухо, вяло, желто, черно.

Лагерь на Арпачае[53].

24. Дневка. Термометр до 47°. Приезд Карапапахцев. Мехмет-агу, Гумбет-аги бамбахского и других. Ночью не сплю. Рано, в 3 часа поднимаемся.

25. День хорошо начат, избавляем деревенских жителей от утеснения. Им платят на привале по 6-ти реалов лишних на быка; они благословляют неприятеля. Вообще война самая человеколюбивая.

На привале отправление бумаги к Красовскому. Раздача знамов, подарков. Я открываю лавку царских милостей. Известие, что Шарульцы[54] и Миллинцы гонят к нам скот. Безводно, но не чрезвычайно жарко.

Еду вдоль Аракса открывать неприятеля, но открываю родники пречудесные. Жатва не собрана, иные снопы начаты, но не довязаны; вид недавнего бегства. Прекрасная деревня над Араксом, Хоки.[55] Заезжаю в авангард. Лагерь недоезжая до Хок. Тучи и дождь, потом луна всходит. Огни бивуак в ночи производят действие прекрасное.

26. Рано поднимаемся, жар ужасный. Рассказ Аббас-Кули, что Елисаветопольское сражение дано на могиле поэта Низами[56].

8 верст от Нахичевани пригорок. Оттуда пространный вид к Аббас-Абаду[57] и за Аракс. Вид Нахичеванской долины

к с.-в. Карабахские горы, каменистые и самого чудного очертания. Эйлан-дак[58] и две другие ей подобные горы за Араксом, далее к з. Арарат. Сам Нахичеван стоит на длинном возвышении, которое также от Карабахских гор.

Вступление в Нахичеван. Ханский терем[59]. Вид оттудова из моей комнаты.

Неприятель оставил город накануне. В Аббас-Абаде 4000 сарбазов и 500 конницы. Комендант сменен[60].

Змеиная гора в увеличенном виде обожженный уродливый пень. Такие еще две.

27, 28. Известие о шахе от Мекти-Кули-Хана. Муравьев[61] послан рекогносцировать крепость. С моего балкона следую в подзорную трубу за всеми движениями.

29. В 4½ ч. кончаю почту, седлаю лошадь и еду к крепости, где 50 человек казаков в ста саженях от стен заманивают неприятеля. Засада в дереве с восточной стороны. К 10 часам сильная рекогносцировка — 2 полка уланских, 1 драгунский, 2 казачьих, 22 конных орудий обступают крепость. Канонируют. Бенкендорф перебрасывает 2000 человек через Аракс, которые на противуположных высотах гонят перед собою неприятеля. Из крепости стреляют на переправу. Парламентер из крепости. Али-Наги[62] сыновья Исмиль и Мустафа-ага переговариваются с нами с гласиса.

30. Приезд Иавера[63]. Отпущен с угрозами. Вечером поездка к Раевскому в лагерь. Водопады.

Июль 1-ое. Переносится лагерь к крепости. Начало работ не производится за недостатком материалов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. **Новости от Бенкендорфа.** К. Х. Бенкендорф (брат известного гр. А. Х. Бенкендорфа) — генерал-майор. Участвовал в русско-персидской войне 1826—28 г.г., командуя сперва авангардным отрядом под Эриванью, затем участвуя с корпусом Паскевича во всех крупных сражениях. По свидетельству Н. Муравьева „человеку сему, привыкшему более к придворной жизни, казались трудны занятия войск и

движения; он надеялся, что вскоре заключится мир с персиянами, и просился обратно в Петербург. При том же у него был тоже неудовольствия с Паскевичем. Уехал он (в ноябре 1827 г.) очень недовольный Паскевичем". Умер в 1828 г. В „Северной Пчеле" печатались его „Письма из Персии".

2. Сейд-Абад — предместье Тифлиса.

3. Акзибеюк — гора в Борчалинском районе на пути из Шулавер к Джалал-оглы (Степанаван).

4. Коди — селение в Тифлисском районе, через которое проходил тогда Эриванский тракт; отсюда же начиналась дорога на Белый Ключ.

5. Сорван (Сарван) — селение в б. Борчалинском уезде.

6. Храм — река, впадающая в Куру.

7. Шулаверы — теперь город Шаумян, весь в садах. В прошлом уездный центр Борчалинского уезда.

8. Шулаверка — река Шулавер-чай.

9. Салгирская долина. Салгир — река в Крыму, берущая начало у подошвы Чатырдага; протекает через г. Симферополь.

10. Ладавер (следует Ляльвар — Медно-заводская гора), где еще тогда добывалась медь.

11. Чатыр-даг — гора в Крыму.

12. Бабий мост — или, как сейчас он называется, Ахгоин (белый мост) на пути к перевалу Волчьи ворота. Вблизи моста — селение того же названия с греческим населением.

13. Самийский погост. Самийский пост, так же, как и отстоящий от него невдалеке Акзибеюкский пост, были учреждены на этом участке пути, как на самом опасном и труднопроходимом.

14. Волчьи ворота — так называется и сейчас перевал (на высоте 1771 м.) через гору Акзибеюк.

15. Крестовский остров — загородная часть Ленинграда.

16. Каменная речка — река Каменка, пересекавшая путь следования у укрепления Джелал-оглы (Борчалинский район), сейчас город Степанаван.

17. Карапапахцы (черные шапки) — наиболее крупное общество казахских татар, поселившихся еще в XI в. в Грузии в дистанции Казах, откуда они распространились по окрестным округам.

18. К развалинам Лори. Лори с VIII — XII в. главный город пограничной грузинско-армянской области Лори-Ташира, находившейся в вассальном отношении к Ани; впос-

ледствии крепость, развалины которой сохранились и сейчас (Борчалинский район). Сейчас там селение.

19. Тебеде (Дебеда-чай или Бамбак-чай) — река, впадающая в Куру.

20. Прежде здесь царствовала сильная династия Тао (из фамилии Багратидов). В районе описываемых действий, приблизительно с VI века нашей эры, существовало так называемое „Лори-Таширское царство", управлявшееся своими царьками, получившими титул куропалатов от византийцев. Этот титул долгое время переходил по наследству и вскоре обратился в нарицательное имя Корике или Кюрике. Наряду с Лорийскими Куриакидами, существовали более могущественные правители, тоже из фамилии Багратидов, в провинциях Тао-Кларджетия (б. Ахалцихский округ и часть Лазистана) с VII в., которые также принадлежал титул куропалата. С распадом этого „царства", сюзеренные права над округом Тао (Тайк) перешли, надо полагать, к родственным Лорийским Куриакидам, приблизившим к своему титулу „Тао", который, как более громкий, и привился к Лорийским правителям. Отсюда упоминание Грибоедовым династии „Тао".

21. Приезд Обрескова — чиновник Министерства иностранных дел. Был прислан министерством в распоряжение Паскевича по дипломатическим поручениям. Однако Паскевич, несмотря на большой чин Обрескова, предпочитал всегда Грибоедова и, подступая к Эривани, не пригласил Обрескова даже сопровождать себя. Принимал участие в заключении Туркменчайского договора.

22. Тепе-Керман — пещерный город в Крыму, в окрестностях Бахчисарая.

23. Кишлаки — селение на пути между г. Караклисом и Амамлы.

24. Абас-Кули (Бакиханов) — известный тюркский историк (1794—1846 г.г.) Автор „Истории Ширвана и Дагестана с древнейших времен до завоевания Ширвана Россией" („Гюлистан-Ирам") и многих других трудов. Состоял при дипломатической канцелярии. Провел в походе всю персидскую войну, участвуя во всех переговорах и конференциях как главный переводчик.

25. Приезд грузинского ополчения. Свалка на дороге. Согласно распоряжения Паскевича, было сформировано среди грузин ополчение, в которое вошло из каждого уезда определенное количество ратников. Распределение командных должностей вызвало большие осложнения и положило начало распрям, продолжавшимся и в походе.

26. Мавзолей Монтрезора — был воздвигнут в некотором расстоянии от сел. Амамлы майору Монтрезору, который, будучи послан в Эриванскую экспедицию 1804 г. с командой в 100 человек за провиантом, подвергся нападению неприятеля и погиб здесь, защищаясь до последней возможности.

27. Амамлы — селение б. Александропольского уезда. От этого селения шел почтовый тракт на Гумри (сейчас Ленинакан).

28. Памву (Памб) — гора между Безобдалом и Алагезом.

29. Бамбахская долина — входила тогда в дистанцию „Памбахи". Сейчас часть Лори-Бамбакского района Армении.

30. Алагез — гора на территории Армении.

31. Завтрак у Раевского. Н. Н. Раевский, генерал, командир Нижегородского драгунского полка. Известен как близкий друг Пушкина.

32. Судогент — селение по пути следования Грибоедова.

33. Артемий Араратский — уроженец сел. Вагаршапат; еще молодым „пустился по свету без всяких средств; он таскался очень долго по Европе и Азии, кажется, был и на северных берегах Африки; несколько себя образовал, научился нескольким языкам и написал книгу о своих путешествиях на русском языке (изд. СПБ 1813 г.); странностью своею приобрел он себе знакомых и людей, принимавших в нем участие. Возвратившись под старость лет своих на родину, поселился в монашской келье, где занимался" („Из „Записок" Н. Н. Муравьева. „Русский Архив", 1891 г., т. III стр. 221).

34. Аракс — самый большой приток Куры.

35. Аштараки — селение в 15-ти километрах от Эривани. Славится виноградниками.

36. Хосро-хан (Кайтмазова) см. стр. 52.

37. Гассан-хан — брат сардара. Ему была поручена защита Эривани.

38. Султан Шадинский (следует Шамшадильский) — правитель дистанции Шамшадиль, подчинявшийся Эриванскому сардару. Один из крупных его феодалов.

39. Мехти-Кули-Хан — правитель Карабаха; благодаря проискам ген. Ермолова, принужден был бежать из своих владений в Персию (1822 г.), но благодаря, главным образом, Грибоедову, ему было обещано полное прощение и вновь

управление Карабахом, вследствие чего он перешел обратно с 3000 семейств".

40. Вальховский (В. Д. Вольховский) — товарищ Пушкина по лицею, служил в генеральном штабе. Состоял в Союзе благоденствия, за что и был переведен на Кавказ. Принимал участие в персидской войне. В начале 1828 года был послан в Тегеран для переговоров с правительством шаха по уплате контрибуции. В 30-х годах он снова на Кавказе в должности начальника штаба.

41. Гераклеева гора (Ираклиева) — в окрестностях Эривани. Названа так в честь Ираклия II, царя Кахетии и Карталиний, который в 50—90 годах XVIII в. распространял свою власть на все Эриванское ханство.

42. Адриан — римский император (117—138); начал свое царствование тем, что отказался от завоеваний своего предшественника Траяна, — Месопотамии, Ассирии и Армении.

43. Обед у Красовского. А. И. Красовский, генерал, в Персидскую войну командовал 20-й пехотной дивизией, поступившей на усиление Кавказского корпуса; прославился под Уштаганом, выдержав натиск более сильного неприятеля. Вследствие интриг Паскевича, был отрешен (в марте 1828 г.) от командования дивизией.

44. Кольбелей (Кельбали) — султан. Из местных уроженцев. Он упоминается и в официальной переписке, когда ему было поручено сопровождать тело Грибоедова из Нахичевани.

45. Курганов — Корганов И. О., поручик, состоял ад'ютантом при Паскевиче. В персидскую войну ему было поручено снабжение армии продовольствием.

46. Гаричай — речка, приток Занги.

47. André Chénier (Андре Шенье) — знаменитый французский поэт (1762—1794 г.г.).

Сакен — барон, впоследствии граф Д. Е. Остен-Сакен, тогда генерал-майор, командовал уланской бригадой. После занятия г. Тавриза назначен был Начальником Адербайджанского временного правления. Впоследствии Начальник штаба Кавказского корпуса. — Автор очерка „Управление Адербейджаном во время персидской войны 1827/8 г.".

49. Ведичай — речка, приток Аракса.

50. Девалу (Давалу) — большое селение в Эриванском районе, через которое пролегал путь на Нахичевань.

51. Садакцы и Милличцы — наиболее сильные курдские племена, шиитского толка, кочевники.

52. Садараки — селение Эриванского района по пути следования в Нахичевань.

53. Арпачай (восточный) — река, впадающая в Аракс.

54. Шаруальцы (шарурцы) из поколения казикских татар.

55. Хоки (Хок) — селение на пути к Нахичевани.

56. Елисаветпольское сражение дано на мотиве поэта Низами. Это сражение произошло 13 сентября 1826 года в окрестностях г. Елисаветполя (Гянджа), откуда был виден мавзолей, воздвигнутый по преданию персидскими властителями в XII в. в честь знаменитого поэта и ученого Шейх-Низами Гянджинского, воспевавшего, между прочим, в своей поэме „Искендер-Наме" и поход русов на столичный город Барды, расположенный невдалеке от Ганджи.

57. Аббас-Абад — крепость на левом берегу Аракса, недалеко от Нахичевани; построена была по новейшей системе при Аббас-Мирзе английскими военными инженерами. Была взята русскими войсками 7 июля 1827 г., главным образом благодаря Грибоедову, склонившему руководителей защитников сдать крепость.

58. Эйлан-дак (следует Илан-даг) что означает змеиная гора; находится вблизи г. Нахичевани. Название свое получила что множеству змей, которые гнездятся около нее. О сей горе говорили, что змеи сии красного цвета, что они ежегодно отправляются большими толпами к Араратской горе, где имеется другое царство змей, со своим предводителем. Оба войска сии встретившись вступают в бой жестокий; многие змеи погибают, другие лишаются хвостов, голов: поле сражения усеяно растерзанными членами сражавшихся: побежденная сторона, преследуемая победителями, бежит обратно в свою сторону, оставляя по пути раненых. Предводители сих полков в особенности отличаются от прочих змей величиною своею и цветом; меня уверяли, что есть старики — свидетели сих страшных битв, а один уверял меня, что видел на берегу Аракса возвращающееся с бою окровавленное войско, вместе" (Н. Муравьев „Записки". „Русский Архив", 1891 г. т. III, стр. 22).

59. Нахичеван. Ханский терем. Вид оттудова... — „Город этот почти весь состоит из садов, и строения в оном закрыты в сих садах; каменный мост, выстроенный на кругу, в южной стороне города, был еще в хорошем состоянии и к нему Паскович, в сопровождении Грибоедова, направил свой путь. Из окон дворца видна находящаяся в 8-ми верстах Аббас-Абадская крепость" (Муравьев „Записки". „Русский Архив", 1889 г., кн. II, стр. 303).

60. Комендант сменен. Комендантом Аббас-Абадской крепости был зять шаха Мамед-Амин-хан, который высказывался против сдачи крепости русским, тогда как Эксан-хан и другие защитники уже договорились с русскими о сдаче, что вскоре и совершилось.

61. Муравьев Н. Н. (1794 — 1866) — генерал. Большая часть служебной деятельности Муравьева протекла на Кавказе на различных военных должностях. Он был начальником штаба, а впоследствии наместником на Кавказе. Автор интересных „Записок", в которых часто упоминается Грибоедов. (Перепечатаны в сборнике „Грибоедов в воспоминаниях современников", под редакцией Н. К. Пиксанова. Изд. „Федерация", М. 1929 г.).

62. Али-Наги — брат Аббас-Мирзы, наследника персидского престола.

63. Иавер (явер) — соответствует ад'ютанту.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Спуск с Гуд-горы (на Военно-Грузинской дороге) 6
2. Тифлис времен Грибоедова 14
3. Сокольничий 16
4. Грибоедов у „Красного моста“ 18
5. Близ Арарата 21
6. На приеме у сердазама 29
7. Уголок базара в Казвине 36
8. Гора Демавенд 37
9. Гор. Тегеран 38
10. Праздник „селям“ в Персии 39

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПИСЬМО

Вводный очерк и примечания
И. К. ЕНИКОЛОПОВА

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПИСЬМО А. С. ГРИБОЕДОВА

Приводимое ниже письмо А. С. Грибоедова к И. Ф. Паскевичу появляется в печати впервые. Написано оно по-французски и здесь дается в переводе. Обнаружено и извлечено оно нами из «дел" Дипломатической канцелярии при Главноуправляющем Закавказским краем, хранящихся в Государственном Центральном Архиве Грузии.*)

На этом письме сохранилась пометка А. Берже (под редакцией которого вышли первые 10 томов „Актов Кавказской Археографической Комиссии" — „нужное"; однако, оно не вошло ни в упомянутые „Акты", ни в 30-й том „Кавказского сборника", в котором собраны все „материалы для биографии А. С. Грибоедова", ни в полное собрание сочинений Грибоедова, изд. Академии Наук, под редакцией проф. Н. К. Пиксанова.

Вслед за окончанием русско-персидской войны (1826-28 г.), Грибоедов, зарекомендовавший себя блестящим дипломатом, был послан в Петербург для „предоставления" Николаю I мирного договора, а 25 апреля 1828 года был назначен „полномочным министром" в Персии.

В начале июля того же года Грибоедов прибыл в Тифлис. Россия в то время воевала с Турцией и военные действия на кавказском фронте развивались в районе Ахалкалаки - Ахалцих. Прежде чем отправиться в Персию, Грибоедову надлежало выехать в район военных действий для совещания по персидским делам с тогдашним Главноуправляющим краем ген. Паскевичем и разрешить с последним (согласно настоянию Министерства иностранных дел) вопросы о „курурах" и о разграничении границ.

Согласно статьи VI Туркменчайского мирного договора, Персия обязалась уплатить России в качестве контрибуции — 10 куруров (1 курур=500 тыс. туманов ходячей монетой; при

*) Фонд Ц. Истор. Архива. Дело Дипломат. Канц. № 63.

тогдашней расценке тумана в 4 рубля серебром, стоимость курура равнялась 2 миллионам руб.). К приезду Грибоедова в Тифлис, Персией с большим трудом уже были выплачены 7 куруров; выплату же восьмого курура, несмотря на то, что в обеспечение этой уплаты была занята русскими войсками Хойская провинция, персидское правительство всячески задерживало, ссылаясь на то, что „страна до крайности обеднела и отягощена налогами".

Грибоедов имел возможность посетить Паскевича в конце июля 1828 года в его „главной квартире" под Ахалкалаками, где он и пробыл несколько дней, совещаясь с ним.

В Тифлис Грибоедов вернулся 4 августа, с тем чтобы тотчас же выехать в Персию, но приступ лихорадки тогда задержал его отъезд. В частности, это обстоятельство, по замечанию самого Грибоедова, ускорило его женитьбу. „Кабы я не заболел в Тифлисе", — писал он К. Родофиникину, — „то моя свадьба бы отложена была до будущего года". Венчание Грибоедова с Ниной Чавчавадзе состоялось 22 августа 1828 года.

Нижеприводимое письмо датировано 23 августа того же года. Необходимые пояснения даны в примечаниях после текста письма.

Граф!

По возвращении из лагеря под Ахалкалаками, со мной случился жестокий припадок малярии, который длился без передышки: у меня не было никакой возможности до сих пор не только сесть на лошадь, чтобы отправиться в Персию, но даже выйти из комнаты.

Я имел честь получить Ваше отношение, которое Ваше Сиятельство соблаговолили адресовать мне, датированное 13 августом за № 292, так же как и оба рапорта нашего консула[1] в Персии, которые к нему были приложены. Я тотчас же ознакомил с их содержанием вице-канцлера[2], как Ваше Сиятельство настойчиво мне советовали, но обстоятельства изменились с тех пор: курьер из Тавриза привез мне намерения Персидского Двора, касательно уплаты восьмого курура:

1) 250 тысяч туманов согласны уплатить наличными деньгами незамедлительно; эта сумма должна уже была быть послана в Хой 17 текущего месяца.

2) Что касается 100 тысяч туманов, то они будут гарантированы английским министром и подлежат уплате в течение двух месяцев, считая с 15-го августа. Если Персидское правительство не выполнит в точности этого пункта статьи, английский министр берет на себя уплату вышеуказанной суммы в обусловленный срок, а именно 15-го будущего октября.

3) Остальные 150 тысяч туманов полномочный российский министр при Персидском Дворе получит драгоценными камнями, оцениваемыми в 200 тысяч туманов, что составляет на 50 тысяч больше требуемой суммы, каковая подлежит уплате в упомянутый срок.

Русские войска будут продолжать оккупацию территории Хоя, если Ваше Сиятельство найдете это нужным.

В случае, если Персидское правительство не реализует платеж этих 150 тысяч туманов, драгоценные камни остаются в полной собственности нашего Правительства. Они ни в коем случае не будут приняты нашими чиновниками прежде, чем не будет установлена их действительная стоимость в 200 тысяч туманов.

Одно соображение, чисто местного характера, кажется мне столь важным, что я должен представить его на усмотрение Вашего Сиятельства. Персия в состоянии снабдить нас 10 тысячами хальваров[4] пшеницы, по цене тавризского рынка, взамен части драгоценностей (драгоценных камней), если последует согласие с нашей стороны. Я слышал, что армянским семьям, переселившимся к нам[5], нехватает средств существования к предстоящей зиме. Более того, снабжение провиантом войск, интересы которых так близки сердцу Вашего Сиятельства, получит подкрепление, достаточно существенное, благодаря этой мере. В случае, если эта мера будет одобрена Вашим Сиятельством, я просил бы Вас уведомить меня об этом во-время, а также о средствах транспорта, будет ли он вменен исключительно в обязанность персам, или же он будет осуществлен административным порядком лицом

командующим[6] в Хое. Я твердо убежден, что Императорское министерство согласится на эти последние предложения Персидского Двора, слишком выгодные для того, чтобы от них отказаться; но я воздерживаюсь доложить об этом вице-канцлеру, прежде чем не узнаю Ваше мнение об этом предмете.

Я был уже заранее осведомлен доктором Макнилем[7], которого нашел здесь по моем возвращении из Ахалкалак, об энергичных мерах, предпринятых Аббас-Мирзой в Хамадане, где он в настоящее время находится, чтобы реализовать частями ту сумму, которую, как ему известно, он должен выплатить нам за столь желанную эвакуацию Хоя. Надо отдать справедливость наследнику Персидского престола в том, что линия его поведения становится все более правильной по отношению к нам. Это именно он ускорил отправку ратификации[8]. Я только-что получил также официальное сообщение, что комиссар по разграничению[10] уже назначен: это Мирза-Массуд[11], честность и прекрасные манеры которого хорошо известны. Нет никакого сомнения в том, что беспрерывные успехи войск, находящихся под командой Вашего Сиятельства, сопровождаемых самым блистательным триумфом, взятие пяти крепостей[12], которыми была усеяна турецкая граница с этой стороны, поражение многочисленной неприятельской армии в генеральном сражении, наконец, быстрота, решительность и изумительная доблесть, развернутая в этой третьей кампании[13], в которой гений Вашего Сиятельства прославил военную мощь Империи, — являются неотразимыми аргументами, воздействовавшими на Персию и склонившими ее в сторону справедливости и соблюдения обязательств по отношению к России.

Я не могу в достаточной степени выразить, граф, мою признательность за бюллетень Вашей последней победы[14], который вы соблаговолили сообщить мне. Примите уверение и мои искренние поздравления по поводу

всего прекрасного и славного, выпавшегона долю Вашу и тех, кто имеет честь служить под Вашими знаменами, и соблаговолите принять уверение в почтительном уважении, с которым имею честь пребывать, граф, всепокорнейший слуга Вашего Сиятельства А. Грибоедов.

№ 27

Тифлис, 23 августа 1828 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Андрей Карлович Амбургер — сослуживец Грибоедова по русской миссии в Персии (с 1818 г.). С 25 апреля 1828 г. был назначен русским генеральным консулом в Тавризе. Умер там же в 1830 г.

2. Граф Карл Васильевич Нессельроде (1780—1862). Управляющий министерством иностранных дел. С марта 1828 года — вице-канцлер.

3. Сэр Джон Макдональд (J. Macdonald) — английский резидент в Персии с 1826 г. Имел поместье в Тавризе, где и умер в мае 1830 г.

4. Хальвар — мера емкости сыпучих тел, равная приблизительно 3 центнерам.

5. Согласно ст. XV Туркманчайского мирного договора, армяне, жившие в Персии, предоставлялась возможность на льготных условиях переселиться в русские владения; этим правом воспользовались до 40.000 переселенцев, очутившихся на первых порах в ужасных условиях в смысле пропитания и размещения по жилищам.

6. Генерал Никита Петрович Панкратьев (1783—1836) — начальник 20-й пехотной дивизии. Был командирован к Грибоедову и к его ближайшему другу П. Д. Завилейскому, против которого возбудил перед Сенатом грязное дело. В 1830 году, после отозвания с Кавказа ген. Паскевича, руководил комиссией последнего.

7. Макнил (Mac Neel) — секретарь и врач при английской миссии в Персии. Единственный из европейцев имел доступ в гарем, откуда через жен шаха и евнухов черпал все нужные ему сведения. Впоследствии — советник при Персидском дворе.

8. Аббас-Мирза — см. стр. 46, прим. 88.

9. Несмотря на то, что русско-персидский мирный договор подписан был 10 февраля 1828 г., ратификации его со стороны шаха, однако, все еще не было. Это очень беспо-

коило Российское Министерство иностранных дел. Как видно из упомянутого письма, Аббас-Мирза во многом способствовал ускорению этото дела и 7 октября 1828 г., в Тавризе, при свидании его с Грибоедовым, состоялся обмен ратифицированными текстами этого договора.

10. Согласно ст. IV Туркменчайского мирного договора, обе стороны должны были назначить своих представителей „для определения на месте границы России и Персии, по Туркменчайскому трактату определенной". Со стороны России еще 1 июня 1828 г. был назначен полковник П. Л. Реннен-кампф, который не мог приступить к выполнению обязанностей, т. к. назначение представителя от Персии долгое время задерживалось.

11. Мирза-Массуд — первый секретарь Аббас-Мирзы, пользовавшийся его особой доверенностью. Участник всех конференций, завершившихся Туркменчайским договором, где зарекомендовал себя прекрасным знатоком французского языка. Летом 1829 г. — причислен был к свите принца Хосров-Мирзы, ездившего в Петербург для принесения извинения за убийство Грибоедова.

12. Со стороны Турции, провинцией, непосредственно граничащей с Закавказьем, был Ахалцихский пашалык, где имелись следующие 5 крепостей: Ахалкалаки, Хертвиси, Ацхур, закрывавший вход в Боржомское ущелье, Ардаган — на пути к Эрзеруму, и Ахалцих.

13. Под третьей кампанией Грибоедов подразумевает поход против турок, предпринятый в 1828 г.

14. Взятие 15 августа 1828 г. сильно укрепленной крепости Ахалциха.

254481

НОД. НИ-Т ИМ. А.И. ГЕРЦЕНА
★
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

I. От Моздока до Тифлиса 7

II. От Тифлиса до Тегерана 14

III. Путешествие с шахом 49

IV. Рассказ Вагина 53

V. Возвращение в Тавриз 55

VI. Беседа с Аббас-Мирзою 57

VII. Путешествие из Тавриза в Тифлис 61

VIII. Ананурский карантин 63

IX. Дневник возвратного путешествия в Персию 66

X. Эриванский поход 69

Перечень иллюстраций 82

Приложение

Неопубликованное письмо А. С. Грибоедова 85

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка		Напечатано	Следует
44	13	снизу	юхари (верхние), баши ашага (нижние), баш.	юхари (верхние) баш и ашага (нижние) баш.
61	4	„	о нем еообщает А. Берхе	о нем сообщает А. Берже
67	16	„	победивший и занявший (в 1882 г.) его место	победивший и занявший (в 1822 г.) его место
77	13	сверху	тоже из фамилии Багра-дитов	тоже из фамилии Багратидов